

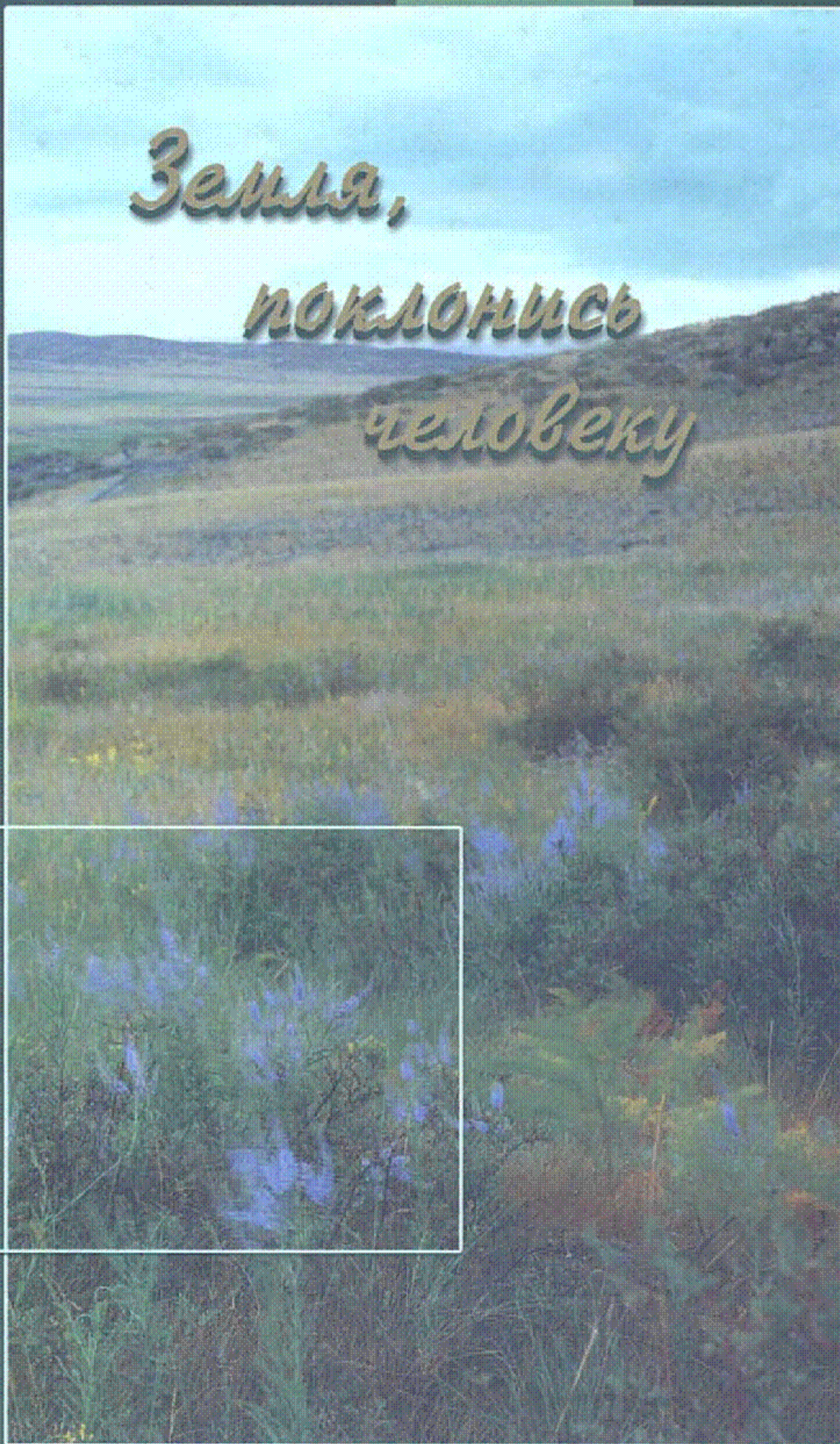
Кереку-Баян Кітапханасы

1 2011
32189 к

СУЛЕЙМЕНОВ

Олжас

Земля,
поклонись
человеку

**КЕРЕКУ-БАЯН ӨҢІРІ
АҚЫН-ЖАЗУШЫЛАРЫНЫҢ АНТОЛОГИЯСЫ**

*Посвящается
20-летию Независимости
Республики Казахстан*

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ

**Земля,
поклонись человеку**
поэма

Глиняная книга

Павлодар, 2011

УДК-821.512.122-161.1 -1

ББК-84 (5 каз-рус) 7-5

С 866

Главный редактор

Арын Е.М.

Редакционная коллегия:

Алаканулы А., Баязитов С., Бижан Ж., Жусип К.П., Жуматов Г.,
Кадысова Р.Ж., Кани А., Кудабаев А.Ж. (составитель, ответственный
редактор), Омаров М., Поминов Ю., Сарбалаев Ж.

С-89 Сулейменов О.

Земля, поклонись человеку. Глиняная книга. – Павлодар: ЭКО, 2011. –
200 с.

ISBN-9965-08-544-7

В данную книгу включена поэма Олжаса Сулейменова «Земля, поклонись человеку», посвященная первому космонавту Юрию Гагарину, и историческая поэма «Глиняная книга». Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК-821.512.122-161.1
ББК-84 (5 каз-рус) 7-5

ISBN-9965-08-544-7

© Павлодарский государственный
университет им. С. Торайгырова, 2011

ЗЕМЛЯ, ПОКЛОНИСЬ ЧЕЛОВЕКУ

Посвящается Ю.А. Гагарину

...Разгадай:
Почему люди тянутся к звездам?
Почему в наших песнях
Герой – это сокол?
Почему все прекрасное,
Что он создал,
Человек, помолчав,
Называет – Высоким?
Реки спаивают поля,
Города над рекой –
В заре,
И, как сердце, летит Земля,
Перевитая жилами рек.
Нелегко проложить пути
До вчерашних туманных звезд,
Но трудней на земле найти
Путь,
Что в сердце своем пронес,
Что рекою прошел по земле,
Что навеки связал города,
Что лучом бушевал во мгле,
Освещая твои года.
Нелегко,
Но ты должен найти

Путь,
Что в сердце до звезд
Донес,
Путь земной – продолженье пути
До сегодняшних ярких звезд...

Хорошо в теплом небе
Апрельскою ранью,
Хороши облака,
Вид у неба хорош,
Но представишь нечаянно
 глушь мирозданья,
Бесконечность
И скроешь улыбкою дрожь.
Говорю о себе:
Вот летишь в самолете,
Гул мотора привычен,
И скорость обычна,
Вы, я вижу,
Вполголоса песню поете,
Не устали – пропойте вторично.
Просто так, от безделья,
Чтоб в сон не клонило,
Вдруг
Пилот объявляет,
И вы встаете,
Вы еще по инерции слабо поете,
Самолет задирает железное рыло
И уходит в вираж.
Над огнями костров
Вы проходите к люку,

Гул моторов тревожен,
И чехол на спине
Полон жиденьких строп,
В этот миг все становится
Сразу дороже:
И уют мягких кресел,
И комнатный свет.
В этот миг вспоминается все,
Что забыто,
Вся никчемность привычно
отсчитанных лет,
Миг порою становится
ярким событием.
Забываются дни,
Позабыты года,
Век проходит по редким ступеням волненья,
Страх – ударом –
И счастье – вспышкой –
Никогда
Не забудете вы,
Несмотря ни на чьи повеленья.
Вы подходите к люку.
Бездонная жуткая темь,
Только звезды костров
Обличают далекую Землю,
Вас торопят,
Вы первый.
«О нет, разрешите – за тем...»
Что ж,
Тогда отойдите,
Я первым бездонность приемлю!

Гул меня подхватил!
Ночь меня обожгла!
Только тяжесть моя —
 верный ориентир.

Я лечу,
Моим телом разрежена мгла,
Кувыркком приближается
Мир.
Хлопнул взрывом высокий тугой парашют,
Взвились,
Замерли тонкие стропы.
Тишина,
Я один!
Хохочу! Хорошо!
Я пою!
Не боюсь катастрофы!
Я уверен теперь,
Там, конечно,
 Земля!

Та, которая может людей изумлять!
Я смягчил тяготение к ней парашютом,
И ее в темноте
Сапогами нащупал,
Я спустился на луг...
Человек над Землей!
Выше сил знаменитого притяженья,
Понимаю тебя, дорогой,
Дорогой!
Век приходит в мгновенья
 великих волнений!
Первый век начинался тогда, дорогой,

Когда пращур отнял от земли
 свои руки
И поднял в удивлении над головой
Свои теплые-теплые
Тяжкие-тяжкие руки.
Это было победой.
А ты оторвал от земли,
От родной,
От зеленой
Историю человека,
Осветил ее пламенем
Тайны космической мглы.
Это стало началом
Второго
 Великого
 Века.
...Улыбнулся.
Прощально рукою махнул,
И сигнальный огонь
 поднимают
На старте,
Полной грудью
 ты воздух апрельский
 вдохнул.
Миг! –
И воздух остался
Синеть на карте.
На экране – Земля.
На экране – Земля,
То ли дымом повитая,
То ли туманом,

На пустом полигоне
Молчали друзья;
Кто-то тихо сказал,
Побледнев:
«А не рано!»
Да, товарищ,
Я знаю,
и мне не легко,
За него и за Валю,
За всех, кто привязан
К этой жизни,
И кто от нее — далеко,
Далеко-далеко.
Должен быть.
Он обязан.
Жесткий воинский долг —
Отказаться от слез.
Помнишь, так навсегда уходили
в разведку,
Ранним утром,
При свете погашенных звезд,
Отводя от лица
осторожную ветку.
Диски — полны огня,
И кинжал под рукой.
Помнишь, мы проползали под светом
ракеты,
Помнишь,
мы прорывались
сквозь вражьи пикеты,
Очень рано в разведку
Мы шли, дорогой.

А за нами в окопах
молчала страна,
Затаившись
в предчувствии наступленья,
Мы ползли
(А в руках рукоятки гранат).
Под колючими звездами оцепленья
Мы ползли,
как по карте космических трасс,
Вся страна,
Целый мир
Ждут сигнала к атаке,
Он проходы
разведает для нас
В колючем, Туманном
Космическом мраке.

II

Я влюблен в Красоту.
Я мечтал о ней сотни веков,
Пришивался к кресту,
Возносил и сносил богов.
Я создал эти реки
И ветер швырнул в моря,
Ты, Земля,
Поклонись Человеку,
Твой бог —
Я.

Первый век — предыстория,
Век осмысленья дорог,
Век вихрастых тропинок,

Это ты,
прадед
Широкоплечий мой.
Небо веселое манит
Твой первобытный взгляд,
Звезды лохматые злобно
Над головой горят.
Луны глядят,
Как бешено
Вертится шар земной,
Брось,
Не молись, прадед
Широкоплечий мой.
...Тонет
В Бискайском заливе
корабль.
Шлюпки разбиты.
Бискайя!
Бискайя!

Мужчины любили
пиво и крабов.
В проломы била
Вода морская.
Мужчины любили
зеленый берег,
Любили шутку
И жен любили...
Сегодня,
Двенадцатого апреля,
Волны бискайские

Судно топили.
В радиорубке
 пьяный радист
Пьет капитанский
 резервный ром.
С жутким эфиром –
 один на один,
Плача, стучит и стучит –
«Прием!..»
В наушниках
 дробный веселый гам,
Колются
 звонкие иглы морзянки,
Слушайте...
Слушайте!
Слу-у-шайте!
Там!
Там – во всем мире,
Ударили в склянки!
Там говорят:
Человек над Землей!
Выше сил
 знаменитого притяженья.
Он, наверное, добрый
 и страшно злой,
Если выиграл,
Выиграл это сражение!
Крики морзянки
 в эфире звенят,
Радист
Трезвонит,

Стучит полупьяный!..
Исчезают морщины ущелий.
Глядят
В белый след
Штормовые глаза океанов.
...Что из прошлого видел я,
Кроме музейных палат,
Где под мертвыми стеклами
Мирно пылятся кинжалы,
Золотые погоны с халатами рядом лежат.
Сохи, четки янтарные, брошки
и прочая жалость.
Под ногами асфальт,
Как истоптанный вечный такыр,
От газонов несет ароматом
Горячим, как выдох.
Две монеты за вход
В позабытый неведомый мир,
А какими лишеньями
люди платили за выход!
Было все, как всегда,
Было крупно,
Летели года,
В диком грохоте времени
Гасли внезапные вскрики,
Мы спешили уйти
От веков
Навсегда, навсегда.
Дни мелькали на лицах,
Как летние знойные блики.
Новый стиль календарный

Был принят полвека тому.
На сто лет позади шел Восток
По следам машин,
Мы со скоростью света
Земную прорезали тьму
От тележных колес
До метровых зиловских шин.
От лаптей – до скафандров,
От юрт – до высотных домов,
До 500 миллиардов
От дымных сосновых лучин,
От ликбезов –
До Ленинки в три миллиона томов.
Мы за это платили дивизиями мужчин.
Голодали наркомы, ночами листая букварь,
Продолжением Маркса явилась для нас
 арифметика,
Не свернули с пути,
У мартена
 встал сталевар,
Поглядела на наши невзгоды
С усмешкой Америка.
Только годы прошли,
Беспокойные, яркие дни,
Дал могучий ствол
Не сожженный снегами росток,
Сколько книг сохранила Земля!
Ненаписанных книг,
Для тебя, мой Восток!
Серебристый корабль –
«Восток».

Пронесутся года
Над раскрашенной жаркой Землей,
За лохматые книги засядут спокойные
люди,
О, поверят они,
как я падал, вставал с тобой,
Первый Век
Торопливых, суровых, отчаянных буден.
Потому бездушное небо манит меня,
Каждый миг наступает пора тишине
изменять.

Все оставлю —
Траву и могильные плиты
На плоской земле.
Ах,
Как хочется взять
в полет
Боевого коня!
Скорость! Скорость! И скорость! —
Всегда сокращает путь.
Кто в пути,
Кто спешит,
Тот услышит гудение крови,
Человек на скаку
Хочет крыльями с силой взмахнуть
И лететь, распластав на лице
Соколиные брови;
И смеяться над бездной,
И верить в правдивость цветов,
В повороты крутые,
И — в ярость весеннего неба,

Мы создали себя
Обобщением боли веков,
Мы коснемся губами полей,
Где никто до нас
Не был.
Свет земли,
Словно память моя,
Полетит наравне,
Только крупное зримо
В стремительном нашем полете.
Я по старой привычке
 качнул бы родной стороне
Плоскостями,
Но крыльев не видно
На звездолете...

III

Я люблю тебя, жизнь,
За весну,
И за страх,
И за ярость.
Я люблю тебя, жизнь,
И за крупное,
И за малость,
За свободу движений,
За скованность
И за риск.
Я люблю тебя, жизнь,
За соленость каспийских брызг.
Человек состоит из белков
И какой-то души,
И белки нас подводят,

И души порою подводят,
Мы бываем тогда по-серьезному
Хороши,
Когда мы остаемся
На целой планете –
Двое.
Я люблю тебя, жизнь,
За сладость и верность разлук,
Я люблю тебя, жизнь,
За женственность Валиных рук,
Я люблю тебя, жизнь,
За грубую ласку ребят.
Я рискую тобой
От имени наших солдат,

Все влюбленные, Валя,
Извечно на звезды глядят,
И мы тоже,
Странно –
Все звезды как будто летят.
Жены летчиков, Валя,
Не спрашивают –
«Когда!»
Сколько летчиков, Валя,
Почувствуют в небе
взгляд.

И, качнув плоскостями,
По адресу передадут,
Много в небе апрельском
путей,
Лишь гагаринский крут.

Так в холмистой степи
Вдруг взмывает гранитный пик,
И орел, не достигнув,
Опишет почетный круг.
Да.
Любовь,
Он любим. Он уверен. Спокоен.
За него чье-то сердце
Болит.
Отбирали сурово:
Любим – достоин.
Про Валю расспрашивал замполит.
Матерью
 степь
 мы называем,
Девушкой
 мы скакуна называем,
Мы
Все, что дорого, величаем
Твоим
 именем,
Женщина.
Родина – женщина,
История – женщина,
Честь,
Отвага,
Поэзия – женщина.
Художник свободу рисует женщиной,
Трава, лужайка, погода – женщина.
Небо – наполовину женственно,
Даже мужественность
Моя.

Может быть,
 поэтому женщины
У мужских изголовий стоят.
Даже грусть и метель –
Женщина.
Слава, смерть и тревога –
Женщина,
Я люблю тебя, жизнь,
Беспокойная жизнь,
Потому, что ты –
Верная женщина.
...Исчезают морщины ущелий.
Глядят
В белый след голубые глаза океанов,
Так орлы от земли,
Не прощаясь, летят,
Я гляжу тебе вслед
Из степей Казахстана,
Средь невидимых звезд
Ты летишь в тишине,
Мало кто не заметил
Твое отправленье,
Гордость дочкам оставил,
Тревогу – жене,
Мне – поэту земному –
Свое вдохновенье.
Только мужество взял,
Только веру
И долг,
Только карты
Земли и космической трассы.

С высоты
 шар земной
Как
 клубок
 дорог
Зеленых, синих
И красных.
Ниже, ниже хребты
И сосновые купы,
Он взлетел, чтоб увидеть концы
Дорог,
Чтоб видеть квадраты,
Округлость
И Кубу,
Плывущую медленно на восток.
Видеть вспышки восстаний,
Пятиконечность
 сухой, зеленой,
 багровой суши,
Слушать историю,
Ну и, конечно,
Вести далекой родины слушать:
«В Леопольдвиле белые каски...
Падает раненый в скалах Атласа...
На мостовую упал Кейптаун...
Слет пионеров у Алатау...
Негры, индейцы, арабы с пеньем
Стали на тропы,
Сжимая приклады...
В Белом доме
Забрызганы стены...

Черные флаги в древней Элладе...»
Парень,
Тебе с высоты виднее,
Ты пролетаешь под яркими звездами,
Скажи нам:
Добьется свободы Гвинея!
Будут ли годы Второго Века
Таковыми же
Грозными!..

Первый Век!
Мы подводим сегодня итог
Всему сделанному
И виденному,
На плечах мускулистых
Поднялся «Восток»,
Он стоит,
Он летит над обыденным.
Он летит над прошедшими,
Так довелось,
Он прошел над рябым океаном
Парадом,
Все увидел –
Сказания отблесков звезд
И фантастику
 пестрых бензиновых
Радуг.
Голубые экраны
 умеют хранить
Все,
 что приволокли

С континентов притоки –
Золотинки,
Измолотый веком гранит,
Киловатты
Еще не открытого тока.
...Чтобы высчитать скорость
Полета мечты,
Человек научился считать в биллионах.
Триллионы мгновений
Свистели мечи,
По земле миллионы прошли
Легионов.
Сто миллионов кудрявых рабов.
Сколько бомб?
Сколько рвов?
И ударов плети!
Высчитать,
Высчитать скорость мечты
Нам помогли
Расчеты столетий.
Вот они – Лондоны и Парижи,
Вот они – медленные Мадриды,
Вот они – Бонны,
Безгубые,
рыжие,
Мир, наотмашь разрубленный стритами.
Вот они – Длинные материки,
Следы джентльменских острых сапог,
Червяк Миссисипи – мощной реки,
Запад – внизу,
Сверху – «Восток».

IV

Реки вспаивают поля.
Города над рекой – в заре.
И, как сердце, лежит Земля,
Перевитая жилами рек.
Нелегко,
Но обязан найти
Все ответы на тот вопрос,
Путь земной –
Продолженье пути
До сегодняшних близких звезд.
Что за путь?
Это долгий тяжелый путь,
Это жизнь,
И твоя и чужая – наша.
Первый век –
Время поисков,
Не забудь,
Как поиск порою
 бывает
Страшен.
Пепел поисков истины.
Стебли цветов –
Позади,
На дорогах, открытых по звездам,
Человек создает и богов
И врагов,
А в конце человек
Человечество создал.

Что за путь?
Это долгий стремительный путь,

Это жизнь, молодая, горячая –
Наша!
Я прошу:
Человечество, не забудь,
Что ты стало сегодня
Значительно старше.
Мир,
 Земля,
 Шар земной –
Сочетание слов,
Сочетанье народов,
Мечей
И судеб,
Сколько твердых копыт
Над тобой пронесло!
Все пустыни твои
Нас, безжалостных, судят.
Мы – железные карлы, топтали тебя,
Мы – батыры Чингиза, дошли до Двуречья,
Мы – великие войны, шли по степям
И с тобой говорили на страшном наречье.
Мы разрушили Рим,
Мы убили Тараз,
Мы бесчестили белых и желтых красавиц.
Мы смотрели на мир
Сквозь бойницы глаз,
Наши руки при встречах –
В ударах касались.
Гунны, монголы!
Кипчаки и персы!
Лязг крестоносцев!

Столетние войны!
Падали флаги
 древних культур.
Волны – с Востока,
С Запада – волны,
Что океаны в сравнении
 с этим потоком!
Танками Запада
Хлеб на Востоке потоптан.
Трупы арийцев
 на тучных восточных полях,
Братской могилой
 служила Земля.
Гибли не те,
Что придумали землеразделы,
Ты за других подставляешь огромное тело
Под пулеметы,
Понявшие сладость свинца.
Брат
За чужое дело отдал отца.
Черный и белый конь
Бросают черные тени,
Кони атак и погонь –
В одной ярко-белой пене,
Северный полюс Земли
И Южный –
В одних снегах.
Как разделить огонь?
Тени раскрасить
Как!
Я рожден в стороне,

Где живут воедино
Все части света –
Есть и Запад,
Восток и Север
В стране поэтов,
Есть края, где не знают
Обычных сибирских морозов,
Есть края, где не знают
Аральского знойного лета.

Где
Другие границы
Между частями света!
Океаны не покидают Землю,
Они верят,
Солнце
Сердцем бьется в земле,
Оно верит,
Мы сами
себя для жизни растим,
Мы ведь тоже верим,

что

Нет Востока,
И Запада нет,
Нет у неба конца.
Нет Востока,
И Запада нет,
Два сына есть у отца,
Нет Востока,
И Запада нет,
Есть
Восход и закат,

Есть большое слово –
ЗЕМЛЯ!

Большое на всех языках.
Нет Батыев,
Наполеонов..
Есть
Циолковские
И Эйнштейны,
Нет дивизий,
Есть миллионы,
Есть победы,
И нет ничейных.
Потому что
Где-то смерть называют
Гордостью,
Смерть на свободе,
Смерть за свободу.
Где-то жизнь называют
Горестью,
Где-то веру
 кроют
 при боге.
Значит, звезды
 еще образуются,
Значит, искры
 еще возгораются,
Если где-то
 глаза – амбразурами.
Наши
Скорости ускоряются.

Значит, песня
еще не окончена,
Где-то мысли –
в разрез
с судьбой,
Много вспышек
было отсрочено,
Значит,
Где-то последний бой.
Значит,
Где-то идет борьба
С чугунным
веков притяженьем,
Где-то легкое званье раба
Возвращают назад
С пораженьем.
Жизнь идет!
Беспокойная жизнь!
Под ногами тропинки рвутся,
Я люблю тебя,
Гордая жизнь,
Потому что
Ты – революция!
Люди!
Граждане всей вселенной!
Гости галактик!
Хозяева Шара!
Вы не хотите
пропасть бесследно!
Живите,
Живите,
Живите с жаром!

Живите, люди!
Живите, люди.
Вы совершили свой первый подвиг,
Преодолели земную тягость,
Чтобы потомки это запомнили —
Преодолейте земные тяжбы!
Реки, спаивайте поля!
Города,
вставайте в заре!
Пусть, как сердце, летит Земля,
Перевитая жилами рек!
Мы найдем,
Мы должны найти
Все ответы на тот вопрос,
Путь земной —
Продолженье пути
До сегодняшних
Взятых звезд.

V

Хорошо в синем небе
апрельскою ранью.
Хороши облака,
Вид у неба — хорош,
А представишь на час
Иль на два —
Мирозданье...
И потянет на шарик,
На клевер и рожь.
Говорю о себе.
Вот лечу в звездолете.
И нагрузка — привычна.

И по радио – вы торопливо поете,
Слышится, чувствуется – отлично.
Дан сигнал – приземляться,
Родные мои!
Вы с такою тревогой
Приказ отдаете.
Эх, да что там от вас таить,
От страха ли плачут порой в звездолете!..
Я верю!
Фантастам, почтам, ученым.
Я верю!
Слезам и холодным расчетам.
Я в десять утра, по-московскому,
Черным
 увидел небо.
Пошли вы к черту,
Тревожные мысли!
Спокойней.
Спокойней.
Мне надо вернуться.
Рычаг торможения.
И две рукоятки,
Как две ладони
 мужские,
Впаялись в пальцы.
Снижение.
Гул меня подхватил,
Развернул,
Раскрутил,
Только тяжесть моя –
 верный
 ориентир,

Мягкий воздух высот
я собой разредел,
Кувырком
На пилота обрушился мир.
Хлопнул взрывом
тугой парашют,
Взвились, замерли
Белые стропы.
Тишина.
Я один.
Хорошо! Хохочу! Я пою!
Не боюсь катастрофы!
Я уверен!
Я прав!
Вот, смотрите – Земля!
Та – с которой
взлетел!
Та – которую
щупал
Сапогами,
Губами,
Смотрите –
Земля!
Я смягчил тяготение к ней
Парашютом.
И спустился на луг.
Человек на Земле!
В сфере сил дорогого навек
притяженья.
Я вернулся с победой
К любимой Земле,
Потерпевшей счастливое поражение.

Я упал в траву...
Сбросил шлем...
Горьковатый цветочный сок...
Погоди,
Я чехол парашютный сорву,
Пригляжусь
И узнаю тебя,
 цветок.

Ну-ка, дай лепестки...
Эх, родная земля,
Мы живем,
Мы торопимся,
 не замечая,
Что земные луга
Нас выходят встречать
Стебельками забытого
 иван-чая.

Может, этот Иван
Тоже был вдалеке,
И, вернувшись на берег,
Стоял,
 качаясь,
И упал на траву,
А в огромной руке
Был зажат, словно жизнь,
Стебелек иван-чая.
Ты, Земля,
Для меня припасла
Самый светлый
 из дней,
Белый женский платок
Промелькнул

Работают все радиостанции
Советского Союза!»
Дрогнул голос железного диктора:
«Новорожденный мальчик в Афинах
В честь Гагарина
назван Юрой,
Девочка в Токио –
Валентиной...»
Пишут в редакции пенсионеры,
Пишут рабочие, и пионеры.
И инженеры,
Даже мулла,
Разочарованный в божеской вере.
Сегодня
Качают растерянных летчиков,
Сегодня –
Двенадцатого апреля,
Поэты,
забыв о березовых почках,
Ломают строчки,
Ломают перья.

...Радио пишет его портрет:
«Широкоплечий...»
Щупаю плечи...
«Молод... курнос...
Двадцать семь лет...»
Ровесник!..
Но разве от этого легче!
«Учился в ремесленном
на отлично...»

Я ведь тоже был в форме «РУ»!
«Жил на Речной...»
А я на Арычной!
«Честен, правдив...»
А я разве
 вру!
«Любит книги и оперетту...»
А я и то, и немного –
 другое!
«Он не курит»...
И я сигарету
Торопливо топчу ногою.
Я – центральный защитник
 в футболе,
Но могу послужить
 в нападении,
Я с улыбкой
 любые боли
Выношу
От любых падений.
Я отличник по математике,
Заявляю – силен в астрономии,
В общем,
 знаю до чертовой матери,
Не откажешь
 и в остроумии.
И в вечерней
 даю уроки,
На любой отвечу вопрос,
И вдобавок
 в плечах широкий,

Невысок,
И, вообще, — курнос.
Словом, я подошел бы
 к делу,
Я бы выдержал
 центрифугу,
И мое молодое тело
Вдоль Земли
 описало бы
 круг.

Ну, примите же
Заявление,
Я согласен,
Могу вторым.
Если надо —
 с именем Ленина

Этот подвиг
Мы повторим!..
О, таких
Молодых, зеленых,
Коренастых,
Слегка курносых
На моей земле —
 миллионы!

Как подумаешь —
Выше ростом
Станешь.
Сильные и горячие,
Дорогие мои ровесники,
Вы все те же —
В норе не прячете

И босой негр на пыльной площади оскорбленного континента слушает, обратив лицо к небу. Он думает о величии человека.

Есть ли народ, который заставит мир склонить голову?

Но есть народ, который заставил человека поднять лицо к палящему и дождливому апрельскому небу.

СЛАВА ТОМУ НАРОДУ!

Апрель, 1961

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПОЭМЕ

12 апреля у нас в Алма-Ате традиционно ясная погода. Небо так чисто, что сквозь всю голубую толщу атмосферы просвечивает таинственная темень космоса.

В такую погоду только и летать туда.

Но так легко нам думается сейчас, через дюжину лет.

В том первом, первом апреле это космическое «Поехали!» потрясло долгожданной неожиданностью.

88 км над землей. Всего, кажется, 88!.. Запланировано было или случайное совпадение? – 88 на языке радистов означает «люблю тебя».

Радио всего мира гремело – 88!

После мая 45-го – первое событие, объединившее всю землю одним чувством. Да и во всей истории человечества мало было таких звездных мгновений, когда все люди почувствовали бы себя одной семьей. Факт «Мы – в космосе» выходит за пределы истории человечества. Фангаст Рей Бредбери сказал, что значение этого события можно сравнить только с выходом рыб на сушу.

...Алма-Ата с утра стояла на улицах, глядя в небо. И мой ученый сосед, который знал наверняка «не может быть», и мальчишки – у них не было за душой ничего, кроме уверенности, и мама, пропустившая базар, и сестренки, оставшиеся без школы, – мы ждали. И дождались.

Вместо ракеты, которая, возвращаясь на Байконур, должна была, обязана была мелькнуть сияющей, свистящей иглой над Алматинкой, вдруг, разрушив вопиющим, тарахтящим контрастом воображенную картину, распространяя над крышами запах отработанного керосина, закачалось вверху (смешно сказать!) четырехкрылое чудо техники. Очкастый летун, скалясь, вытряхивал из фанерного кузова мешки с листовками. Розовые, как лепестки урюка, они кружились над садами, усеивая крыши, тротуары, застревали в ветвях яблонь.

...Кому из авторов стихов довелось пережить такое!

Мое импровизированное творенье, второпях, по-акынски начертанное утром в кабинете редактора, было уже набрано, отпечатано многотысячным тиражом и распространено с небес!

Ворох листовок, собранный сестрами, – мой первый, розовый сборник, первое собрание сочинений!

В те дни я не знал мук творчества, дни и ночи, целую неделю пугая домашних, крича, на слух сочинял поэму.

Самая радостная пора в моей писательской биографии. Поэма выходила неоднократно, и всякий раз перед публикацией тянулась рука ее поправить. Но пусть остается такой же розовой, как родилась. Мгновенной фотографией моего тогдашнего состояния. Сейчас сквозь толщу розовости стиха просвечивает все яснее темное чувство утраты человека, которому была посвящена эта вещь. Последний раз я его видел летом 67-го в станции Вешенской на встрече группы молодых поэтов соцстран с Шолоховым.

Мы играли на берегу Дона в мяч, и Гагарин сильно порезал ногу о раковину. Он, смеясь, отмахнулся от помощи и, подпрыгнув на одной ноге к берегу, опустил раненую ногу в воду.

Розовая пушистая струя протянулась вдоль берега... «С выходом рыб на сушу...»

12 апреля 1973 года

ГЛИНЯНАЯ КНИГА

2700 ЛЕТ СПУСТЯ

I

В песках заснеженных Муюнкумов пас отару знатный чабан Ишпакай.

На ленивых овец лаял пес Избагар, сбивал их в кучу.

Дул ветер.

И явился Дух.

— Теперь хочу спросить тебя, чабан Ишпакай из племени Иш-огуз. Твоя жена Шамхат красива ли?

— Да как тебе сказать, аруах¹? Хорошо рожает. Варит мясо и чай кипятит. Помогает в отаре.

— Теперь хочу спросить тебя, чабан Ишпакай из племени Иш-огуз. Твою жену Шамхат любишь ли?

— Да как тебе сказать, аруах-мурза²? Я привожу ей подарки, когда бываю в районе. Ситец на подушки, шелк на одеяла. Двадцать пиал в прошлом году привез. Две в хурджуме, правда, раскололись. Но мы их склеили.

— Теперь хочу спросить тебя, чабан: явления, разрозненные связью, ты можешь ли скрепить?

— Да как сказать...

— А как она?.. — дух смущенно кашлянул.

— Да как тебе сказать, аруах-мурза? Рожает понемногу.

— Пожалуй, я вселюсь в тебя, чабан. Не возражаешь? И буду ждать, когда слетит в тело жены твоей дух истинной Шамхат.

— Э, нет, мурза, не хватало, чтобы жена моя стала шлюхой, у нас дети. Я ей еще зоотехника не простил.

¹ Аруах — дух (каз.).

² Мурза — господин (каз.).

Чабан сладко зевнул, поежился на ветру и, застегнув шубу, окликнул пса Избагара.

**ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА
В СТУДКОМ ОТ ИШПАКАЯ, СТУДЕНТА ИСТФАКА**

«На вечере отдыха я познакомился с девушкой по имени Лиза. Фамилию не сказала. Проводил ее до дому. Обещала встретиться.

Пришел в общежитие, посмотрел на часы – было почти 12.

Я было хотел уснуть, и на меня сошел Дух. «Дай, – говорит, – сяду на тебя, дай наслаждение мне».

Я ему дал! Гоняясь за ним, свалил шкаф и избил студента С. К. и Ф., с которыми у меня дружба с малых лет...»

А было так.

Кривоногий, широкоплечий субъект лежал на железной койке и глядел в потолок, потрескавшийся от землетрясений.

В окно общежития лезли ветви яблонь, лепестки летели в учебник истмата, журчал темный арык, отравляя друг друга носками, спали С. К. и Ф.

И явился Дух.

Он, отодвинув зашумевшую ветвь, влез в окно, прошелся по комнате и внятно спросил:

– Ты и есть Ишпакай из племени Иш-огуз?

Я ждал 27 веков, когда произойдет встреча Ишпакай из Иш-огузов с девкой по имени Шамхат. Это свершилось!

– Во-первых, она не Шамхат какая-то, а Лиза, – начал заводиться студент.

– Женщина не уснет, если не обманет дурака. Сейчас твой мускусом наполненный сосуд лежит в обнимку с каким-то ничтожным персом. Любую пальму тенью валит солнце. Она утоляет его жажду, с волос своих снимая покрывало...

- С каких таких волос?.. – студент взбесился.
– Заткнись. Кто здесь дух, я или ты? Оттопырь ухо и слушай. Меня мучит печаль.
– Где ты есть?! – вопил студент, дико озираясь.
– Я здесь, – мрачно сострил дух.
И началось.

II

Телерепортер:

– Мы попросили прокомментировать эти события известного ученого Ишпакая.

Мы в секторе бронзы Института истории.

Навстречу нам, как вы видите, встает седой, но еще полный человек с мужественным загаром на скромном лице... – Простите, мы вас оторвали от занятий. Итак, навстречу встал врач исторических наук.

– Доктор.

– Нет, я не оговорился, именно врач, спаситель истории нашей, знаменитый исследователь времени Ишпакай-ага, замечательным изобретением своим...

– Открытием.

– ...перевернувший историю нашу...

– Историографию, – смущенно поправил Ишпакай-ага.

– Полимерами здесь не обойтись. Что такое?.. Прошу прощения, – полуверами не обойтись.. Ничего не понимаю... Ах, да, – по-лу-мерами в вашем деле не обойтись.

Только решительное...

-- С удовольствием.

В позапрошлом году мною была обнаружена на скале Коксайского ущелья надпись, выцарапанная бронзовым стилем. Она состояла всего из нескольких строчек. Характер пись-

ма близок к этрусскому. Прочсть было нелегко, но возможно. Язык памятника оказался близок к современному огузскому.

(Знаменитый ученый смущенно улыбается, похлопывая себя по бронзовой скуле).

– Удобно ли это говорить, но сам я происхожу из племени Иш-огуз, и мне доставило величайшее наслаждение читать эту высокопоэтическую надпись. Самое удивительное...

(Здесь ученый делает еще один механический жест, который пока не представляется возможным описать... Но пусть он остается в памяти телезрителей как одно из проявлений эксцентричности великого человека.

– Но самое удивительное, дорогие товарищи, что в этой поэме речь шла о моем тезке, об Ишпакае, вожде скифов, называвших себя к тому же именем «Иш-куз».

Сведения об этом народе и его вожде сохранились в хронике ассирийского царя Ассархадона. В 7 веке до н. э. ишкузы во главе с Ишпакаем ворвались по западному побережью Каспия из южнорусских степей в Ассирию-Вавилонию и несколько лет правили ею.

Эта поистине редкая находка позволила нам сделать множество бесценных для науки выводов:

а) Самыми древними памятниками огузского письма считаются орхоно-енисейские надписи – 5-6 в. н. э.

Наш памятник отбрасывает историю огузов на 13 столетий в глубь веков – до 7 в. до н. э.

б) Поставлена точка в многолетнем споре скифологов: тюрками или иранцами были скифы, напавшие на Ассирию? «Конечно, огузы!» – недвусмысленно заявляет нам памятник. И это мнение – решающее.

(Ученый взволнованно повторяет первый жест).

в) Само название скифов «иш-куз» дошло до нас, развившись в «иш-огуз» (или «иш-гуз»).

Вы знаете из учебников, что огузы (или гузы, как нас называли западные источники) делились на два крыла: ош-огуз (т. е. Внутреннее племя) и таш-огуз (т. е. Внешнее племя).

Я имею честь принадлежать к Внутреннему племени.

(Ученый стыдливо воспроизводит второй жест).

– Имя «Ишпакай» также, как видите, сохранилось.

И этимологизируется оно только огузским словарем. Означает буквально «След стерсгущий», так называли кочевники пса-тотема. И сегодня еще огузы величают породистых псов именами типа Испакар, Испакай и т. п. вариантами.

Название пса-бога даровалось вождям, становилось именем-титолом.

Мидяне заимствуют это сложное слово, превращают в абстрактный монолит и делают переносное значение главным. Спака – так они называют уже любого пса. Далее оно распространяется в индо-ирано-европейских языках.

– А как вы находите случай с Чабаном и Студентом? Возможен ли Дух в наше время?

– Памятник содержит восхваление вождю Ишпакаю. Ода написана ямбом, что свидетельствует о скифском происхождении этого популярного в наши дни стихоразмера.

Кроме того, содержание памятника позволяет литературоведам сделать однозначные выводы относительно истории лексического образа, относящегося к типу сравнений: «О моя косуля». Так неизвестный поэт 7 в. до н. э. называет своего героя. В средневековой поэзии джейрану, газели, серне уподобляются персонажи женского пола. Употребление в памятнике этого образа может вызывать подозрения. Не забывайте, что действие происходит во времена, близкие к матриархату, и вполне возможно, что под именем Ишпакай скрывалась женщина.

Тем более что сам памятник не дает определенного ответа на этот вопрос, ибо огузский язык, к сожалению, не знает родовых окончаний.

Много загадок таит памятник для будущих исследователей.

– Телезрителей интересует, чем вы заняты в эти дни.

– Я председатель жюри конкурса на лучший памятник славному предку. Мне понравился один проект. Памятник будет установлен в центре среди яблоневых насаждений. Одежды и поза подобраны с таким расчетом, что трудно будет сделать заключение о половой принадлежности Ишпакая.

Выпуклое родимое пятно на щеке будет означать его ишкюзское происхождение. Правая рука – на рогах крылатой косули, попирающей змею. Змея символизирует рабовладельческую Ассирию.

Слева – неизвестный поэт с тяжелым стилем в обеих руках.

Одежда и прическа нейтральны, так как пол поэта также, к сожалению, покрыт мраком неизвестности.

Запроектирован вечный огонь.

– Из какого материала, вы спросите.

– Из какого материала?

– Скульптуры будут отлиты из скифской бронзы. Для этой цели мы добились разрешения переплавить предметы маткультуры скифского периода – сосуды, браслеты, фибулы, бронзовые зеркала, мечи-акинаки. Больше всего дадут металла бронзовые котлы, по которым наш музей пока занимает ведущее место в мире.

Материала потребуется много. Идут интенсивные поиски. Но уже очевидно, что бронзы на всех не хватит. Поэта придется сделать чугунным.

А относительно Духов сказать что-нибудь определенное трудно.

(Великий ученый воспроизвел третий жест).

III

Ученый врал. Он скрыл, что Дух являлся первым не кому-нибудь другому, а ему.

У каждой истины – дорога лжи.

...Много лет назад молодой аспирант Ишпакай стал патриотом.

В исследовательском институте, где среди таш-огузов он проходил курс аспирантских премудростей, пробиться в люди не представлялось возможным.

Молодой иш-огуз был поставлен перед альтернативой: или тратить годы и годы на борьбу за кресло МНС³, или сменить профессию, стать землекопом, садовником, каменотесом...

Каменотесом?!

С этого все и началось.

Нам трудно сейчас проследить весь извилистый путь ассоциаций, вспыхивавших в его свежем мозгу. Важен вывод.

– Что такое открытие? – задал он себе вопрос.

И получил положительный ответ: «Это изобретение».

Чтобы пробиться, нужно выбить великое открытие.

И он его выбил.

Работа с зубилом пошла на пользу. Он загорел и окреп.

Несколько лет он терпеливо ждал, пока дожди и солнце сделают свое дело – надпись должна пройти стадию нужного выветривания, чтобы никакой таш-огуз не смог установить ее свежести.

За это время произошли кое-какие события.

Сгорела частная квартира и все черновики будущей расшифровки. К тому же он забыл, в каком месте Коксайского ущелья она находится. Скала.

И все стало серьезным.

³ МНС – младший научный сотрудник.

Действительно, случайно, лет через 20, он открыл надпись, будучи на охоте с сотрудницей другого института. Пришлось ее призвать в свидетели и этим самым обнародовать свою связь.

Развод с женой был затяжным. И это отняло драгоценное время. Надпись, сфотографированная и перепечатанная в «Вестнике», разошлась по миру.

Так как принцип алфавита и текст были начисто забыты им, дешифровка отняла несколько месяцев.

Этой работой одновременно занимались многие ведущие специалисты, как наши, так и зарубежные.

Было предложено уже пять вариантов дешифровки.

Ишпакай спешил: он знал – добыча уходит из рук.

Нелепость положения усугублялась отчаянием брошенного мужа.

Польский профессор А., знаток мертвых языков, объявил о своей расшифровке. Он прочел надпись языком дубским.

У него получилось:

«Эзре сын Петосири внук Панаммувы дед Тиглатпаласара... бык... осел... жрец... Киририша-Нахунте, Шильхак-Иншушинак... сделал».

С ним вступил в спор специалист мертвых языков Скандинавии англичанин Б. По его версии, язык надписи оказался близким к мертвому хертскому, но прочесть удалось с помощью еще более мертвого котьского. В Коксайской находке оказалось многовато личных имен, звучащих довольно дико на первый взгляд, но это только подтверждало афоризм: «...История соткана из имен»⁴.

Вот как выглядел текст:

«Свабадахарьяз, Сайравилас, Стайнаверияз. Я выписал.

⁴ Все не поддающиеся переводу сочетания букв исследователями принято относить к именам собственным (Авт.)

Вагигаз Эриль Агиламуди камень Харивульфа, Харарарь». Скромному, поседевшему МНС Ишпакаю пришлось держать бой с выдающимися противниками.

Это случилось в позапрошлом году. Ночью.

Он сидел перед грудой исчерканных страниц, седой, угрюмый как лунь.

И у него пошло. Он все вспомнил.

Талант ученого, как сказано однажды, – суперпамять.

Открывать – это значит вспоминать давно и всеми забытое. Зазвучал, встал с лица бумаги древний, своеобразный эпос:

«Вот он (она) Ишпакай – надежда ишкузов, грозный (ая), как лев (львица), герой.

Ассирия дрожит перед тобой.

Мидийцев в землю ты вогнал (ала), герой,

Египту спину ты сломал (ала), герой,

как сыр сырой, ты выжимал (ала) врагов».

– Пой, чтоб ты треснул, ясновидец, пой!.. – раздался хриплый, страстный вопль чей-то.

– Кто здесь? – испугался седой как лунь.

– Уа, мудрец, провидец мой, дуй дальше, среди двуногих разных нет тебе, пой, чтоб тебя!..

– Кто вы? – МНС трясся так, что его было жалко.

– Я! – мрачно сострил Дух.

– Это вы, профессор?... Я просто шутил, не больше!..

Клянусь совестью!.. (А надо сказать, что Ишпакай подозревал руководителя института в том, что тот подозревает его).

– Не бойся, животное. Ты истинный поэт. Была такая должность при дворе.

– Да где же вы?

– Здесь! – повторялся Дух.

Это была страшная Ночь Сомнения.

Он пережил ее (его) и утром отнес статью с расшифровкой в редакцию «Вестника», и она вышла с подписью «МНС Ишпакай».

IV

После опубликования сенсации противники взяли свои слова обратно.

Профессор А. прислал ему поздравительную открытку.

Англичанин Б. разразился подробным письмом совершенно небританского темперамента.

Приглашал в Оксфорд погостить.

Между прочим, послание начиналось со слов: «Дорогая мисс Ишпакай».

Видимо, он так расшифровал не принятую на островах формулу «МНС», значившуюся в подписи сенсационной статьи.

Короче – так были посрамлены таш-огузы, вынужденные уступить место СНС⁵ первому иш-огузу – историку.

Так родилась новая истина. Истина-мать, породившая множество других, как и положено истинной матери. Но сказано, не бойся врагов внешних (таш), а бойся врагов внутренних (иш).

Появился новый аспирант из иш-огузов (село Никаноровка), с явным намерением пробиться в люди. И он не нашел ничего лучшего, как выступить против теории доктора Ишпакаея. Он ударил в корень.

V

Аспирант Ант-урган Сумдук-улы на многих примерах доказал, что мужчину в 7 в. до н. э. возможно было уподобить косуле. Он нашел в кладовой памяти народной разрозненные отрывки забытого эпоса о хане Ишпакаея.

⁵ СНС – старший научный сотрудник.

«Нестройность композиции знаменитой в недавнем прошлом народной поэмы, – писал он, – объясняется просто. Я выслушал ее по частям и от разных лиц. Часть Первую мне напел 97-летний чабан Шах-Султан Саксаулы, брахицефал. Скончался в прошлом году.

Часть Вторая записана со слов 96-летнего колхозника Магомета Субботина, долихоцефал. Скончался на днях.

Письменное происхождение данного эпоса доказано тем, что Субботину дед его говорил о каких-то кирпичях писаных, в которых якобы разбирался прадед Субботина. От него и началась устная традиция. Кирпичи эти (видимо, речь шла о клинописных таблицах) пошли потом на хозяйственные постройки, которые оказались впоследствии в зоне затопления Шардаринского водохранилища.

Мы привели в порядок свои полевые записи и теперь с волнением представляем на суд ученого читателя бесценные образцы поэтического творчества наших далеких предков.

Даже то немногое, что удалось сохранить народу из гигантского эпоса (пробелы невозполнимы!), со всей очевидностью свидетельствует против основных положений теории уважаемого доктора Ишпакая, сомневающегося в половой принадлежности вождя иш-кузов.

Мы публикуем свод, сохраняя орфографию и морфологию речи народных сказителей, стараясь грубыми поправками не исказить аромат подлинника.

«Увы, забыты звуки древних песен, я ими наслаждаюсь один», – как сказал один неизвестный поэт. Правда шла к нам сквозь тьму веков, освещая яркими образами свой путь. Но дошла до нас как живой цветок, «который в своем расцвете прелестен».

*АНТ-УРГАН СУМДУК-УЛЫ.
Никаноровка*

VI

Эпос был напечатан в новом журнале «Вопросы иш-кузства», редактируемом док. Ишпакаем.

Редактор предпослал публикации несколько слов.

«Чем дальше от нас отодвигается бронзовый век, тем острее память сердца. Еще недавно казалось, что тема скифов исчерпана научными рассуждениями и стихотворением А. Блока «Да, скифы мы, да, азиаты мы», но оказалось, что мы имеем возможность взглянуть на те трудные времена с высот древнейшей поэзии.

Чувство справедливости обязывает нас сказать немало хорошего о товарищах, отдающих себя нелегкому (и подчас — неблагоприятному) ремеслу — собиранию забытых эпосов.

Я знаком в деталях с эпохой и потому несколько пристрастно отношусь к подвижнической работе моего молодого коллеги. И беру на себя право кое в чем не соглашаться с ним.

Пример редакторского насилия: из главы «Казнь», где повествуется о сражении мидян со скифами, нами убрана фраза: «и славу пушки грохотали», как несоответствующая материальному колориту бронзового века.

Убрал, несмотря на сопротивление составителя, для которого вообще характерна гипертрофированная преданность подлиннику.

Что сказать о самом эпосе? К какому виду поэзии его отнести?

Мы имеем дело с трудным случаем.

Те стихи, которые можно начать с обращения «Граждане!», литературоведы договорились называть «гражданскими». Они могут звучать на площадях (например, «Граждане, послушайте меня, да-да!..»).

Стихи, которым приличествует обращение «Товарищи!», определяются термином «товарищеская поэзия».

Те стихи, которые как бы начинаются с личного имени (Люся, Ахмет, Иисус), – негражданские и нетоварищеские.

Но поэма, которую мы представляем, выходит из рамок трех измерений, она подвластна четвертому – Времени⁶. И начинается она с обращения – «Ишкузы!..» Посему мы можем считать, что она относится к жанру, уникальному в наш век, – это ишкузство.

Думается, что поэму с интересом для себя прочтут огутологи, скифологи, ассириологи, урологи, иронисты и просто те, кто интересуется историей родной литературы.

Док. ИШПАКАЙ

*Явлений знак узнай
и будешь властен...*

Великое Язу

⁶ См. подробнее у А. Эйнштейна (Ишп.).

ЭПИЛОГ

Каждому племени нужен один человек, ушибленный звездой. Заводите таких. У ишкузов был такой счастливец – Котэн. У него можно было не спрашивать: «Куда идешь!». Он сам, невзирая на твое несогласие, покажет тебе дорогу, насильственно сделает счастливым. Он шел из Ниневии в Харрапу на годовой базар, видел по пути:

1. Как плохо ухаживал старик за плодовыми деревьями. Он ругался, крыл садовника первыми, средними и последними словами, брался и показывал, как надо ухаживать за деревьями, чтоб они плодоносили.

2. Шел дальше и видел, как плохо саманщик крыл крышу. Котэн забрался, толкнул с проклятьями кровельщика и, запустив руки в саман, выгладил крышу до блеска.

3. Шел дальше и видел сидящих в бездельи на берегу начатого канала ленивых землекопов. Он пинками вдохновил их, сам схватил тяпку и пробил канал до реки.

4. За рекой в пыли и гаме носились друг за другом глупые всадники. Он переплыл бешено реку, ссадил первого попавшегося, вырвал у него меч и с криком «Кто же так рубится, несчастный!..» бросился, — и поредела толпа после прополки. Остатки обратились в бегство. А плохо рубились в тот раз враги отечества. А бежали от меча его карающего благословенные свои. Даже во враге он не терпел бездарности.

5. Войдя в Харрапу, он услышал указ государя. Стоял в толпе и заорал:

– Дурачье!.. Что за несправедливый указ! Разве так надо управлять страной!

Он рванулся, чтобы показать. Его схватили с радостью сарбазы. Среди них были Садовник, Кровельщик, Землекоп,

Воин и Глашатай, который держался за гудящую голову свою, ибо бил Котэн трубою по голове его.

6. Кривой зайчик стоял на широком лезвии топора.

– Осел! Кто так точит топор!..

Точильщик присоединился к сарбазам.

7. Палач спал на ходу. На эшафот его возводили под руки, так он был ленив. Котэн лег на широкий пень плахи, Палач поднял топор над головой и захрапел. И стоял, как статуя Сна, Возмущению Котэна не было предела. Он вскочил, швырнул Палача на пень и прекрасным жестом снес ему голову.

– Вот как надо!

Палач даже не почувствовал, он продолжал спать.

– Понятно! – грозно спросил Котэн. – Понятно!! – хором ответили Садовник, Кровельщик, Землекоп, Воин, Глашатай, Точильщик и Палач безголовый.

8. Чтобы воспеть его умелость, поднялся на эшафот сам Государь с казенной арфой. «О всеумеющий Котэн, да здравствуй!» Котэн вырвал из рук его арфу.

– Разве так надо меня воспевать?!

Он взобрался на самую высокую башню Харрапы, воздвигнутую в честь победы Ассирии над Эфиопией (башня была сделана из костей слонов, взятых в этой войне). Он увидел Сад, Крышу, Канал, Поле битвы и многое он увидел. Это было то время, когда не умели крыть крыши, точить топоры и править. Потому и любовь к совершенству была сильна, и весь мир виноват был перед Гармонией. И он сказал. Мы речь его не помним.

9.

ОРАКУЛ

Ишкузы!

Земля – это круг,

перечеркнутый тонким крестом,

(ты – самое спелое яблоко

под зеленым листом),

четыре дуги

в центр глядят с четырех сторон,

тебя сносит к центру,

и ты прерываешь сон.

(Ты раньше созрел,

другие зреют пока,

спит твое племя зеленое,

греет бока,

от души пожелаем ему

солнечных снов

и послушаем, что нам расскажет

Хан Ишпака).

– Над каждым из сущих

зреет в небе звезда,

падают звезды...

– Ты утверждаешь?

– Да.

Спит человечество вечно,

но каждый век

из храпящей толпы

поднимался один человек.

Он просыпался внезапно

из тысячи или ста,

вскрикивал от ожога:

это его звезда,

с неба срываясь, падала на него.
Побегаёт по планете,
усыпанной спящим людом,
ногами о глухие тела постучит —
никого!

Покричит, побуянит —
никого

не разбудит!

(Но сможет увидеть мир таким,
каким он уже не будет
за пределами его жизни)

И снова в будущее
пропутешествуют народы спящие,
и в следующем веке
проснется один человек,
чтоб зафиксировать или исследовать
настоящее.

С каждой эпохой пустеет небо
на одну звезду.

Это значит —

опять снесло человека
в яблочко.

Человек со звездой во лбу
живет наяву.

Что ему, бедному,

в краткое время явлено?

«Жизнь — это сон», — сказано, но не нами.

Явь — это смерть. Неплохо?

— Феноменально.

Глянь, много ли в небе осталось
холодных звезд!

Этот он всемогущий называется
анабиоз.

...И когда опустеет небо,
проснутся они,
медленные народы
с заспанными глазами,
потягиваясь,

 глянут сквозь щелки на дни,
здороваясь,

 пощекочут друг друга усами,
парочку анекдотов

 хором расскажут
 сальных,

почешутся сообща.

– Ну как?

– Колоссально...

Чуть изменился мир –

 сдвинулась география,

их отнесло во сне

 к самому краю

 давно.

И лениво подумают люди:

«Спасите, ограбили. Где же центр?»

И скажут, подумав: «Не все ли равно?»

Это осень.

Жизнь растений бедна и печальна,

травы степные покроет угрюмый снег,

каждый век, просыпайся от сладкого сна

изначально,

будь на белом снегу беззащитен,

мой человек.

Ты раньше созрел, другие зреют пока,
спит твое племя зеленое,
греет бока,
от души пожелаем ему
солнечных снов
и послушаем, что нам расскажет
хан Ишпака.

ИЗ ОБВИНЕНИЯ ДЕВЯТОГО

Хор-хахте, Старейший.

«Когда мы сломали юного царя Ассархадона и он исчез из области досягаемости нашей, мы погрузились в благословенную Ассирию, как меч в золотые ножны.

Небесная Ладья наша Аспан Кайыгы⁷ натолкнулась на рифы рока и опрокинулась над этой строкой.

Именем предка нашего Сары-Кена и его Великого Язу⁸, оставленного нам в назидание, Белый Шатер с Черным Верхом обвиняет тебя, юный хан Ишпака, внук Сары-Кена, предводитель восьми уруков⁹ могучего племени Иш-Куз.

Закон Язу гласит: «Правящий да не может не совершать проступков. Да останется безвозмездным восемь проступков хана. Да предстанет он перед судом Белого Шатра с Черным Верхом за девятое преступление. И постигнет его тогда справедливое несчастье».

Ты совершил благополучно восемь отступлений от закона, и каждое из них стоит восьми. Но Язу – священна. Мы не хотим слышать о девятом».

⁷ *Аспан Кайыгы* – созвездие Б. Медведицы, букв. «Небесная лодка».

⁸ *Язу* – писание. *Язык* – надпись (огуз.).

⁹ *Урук* – род (огуз.).

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

*Будь на белом снегу беззащитен,
о человек!*

Она прошла рощу (назовем ее оливковой),
присела в тени дерева могучего

(назовем его лавром),

широким рукавом отерла с лица влагу.

Это были слезы.

I

...Тривиальный сюжет эпохи бронзы:
в одном из главных городов Ассирии
у храмовой проститутки Шамхат
был в услужении раб по имени Перс.

И когда из степей ледяного Танаиса
ворвался в рощи холодный ветер

и в храм Ишторе вошли

дурнопахнущие воины

и набросились на женщин,

как волки на стадо,

кряжистый скиф Дулат

выбрал самую стройную.

Она оказалась сильной.

Он не сделал с ней того,

что ей было обещано его появлением,

ибо – он не искал в море брода,

но нашел его.

Камнями и золотом она откупилась.

II

А что сделал Перс, увидевший в щель
начало насилия?
Он не бросился в храм,
он не поднял меча на Дулата,
он поспешно в священную рощу
бежал
вырыть вечное ложе себе
под зеленым лавром
и втолкал между ребер своих
затупившийся бронзовый нож.
А что сделала девка Шамхат?
Приползла,
забросала землею любимый труп,
навалила камень.
Этот поступок позволит сказать:
о, не слабы в Ассирии женщины!

III

Ишпака, наш герой, однажды
бродил по земле
и увидел ее.
Всю в цветах, под лавровым деревом
у могилы.
Скифы свято хранили обычаи предков
и духов боялись.
«Сидящий у трупа, – гласит Язу, –
неприкосновенен».
Хан скучал.
Он не ушел, не осмотрев ее всю.
А осмотрев, не ушел.

IV

Закрытые глаза, полураскрытый рот
и волосы, скрывающие шею.
Она была похожа на Ишторе,
богиню плоти.
Был полдень. Тихо и мирно жужжали
в Ассирии пчелы.
Раздавленные скифами, замерли жирные
города.
Вселенная грустно от битв отдыхала.
Конь страсти взлетел
на дыбы,
удары копыт достигали виска.
Откроем секрет:
хан, как пчела, потянулся к цветку,
тень пчелы омрачила цветок,
и цветок закрылся.

СЕРНА¹⁰ О ПЧЕЛЕ

Я слушал чудный запах розоватый,
листы ронял подснежник угловатый,
в безмерности цветка врывался воин,
жужжа благоуханием,
мохнатый.

Ступала нежно тишина по лугу,
звенели маков бронзовые латы.

И жала не тая, пчела летала
и взяток не брала

с тюльпанов виноватых.

Как будто на луга спустилась благодать,

¹⁰ Серна, видимо, то же, что и косуля, кабарга, джейран, газель.

неслышно били орхидей набаты.
О Ишпака, не верь орлиным чувствам,
но пчелам верь,
предчувствиям крылатым.
Они влетают в нас
и жалят душу,
и мука меда
воздается ядом.

V

Шамхат глядела грустно на тюльпан.
Не каждого любят,
но каждого губит
надежда:
«Ах, вдруг обернется,
увидит, полюбит!..»
Невежда.
Мы явлены миру,
Стоим в обличительном свете.
Молись о другом –
пусть мимо пройдет,
не заметит.

VI

**ДИАЛОГ ЦВЕТКА
И ЗЕЛеноЙ МУХИ СЛАДОСТРАСТИЯ**

– Бесстыдство меда
легче покоряет,
там мед готовый в сотах.
Я – цветок.

Чтоб лепестки слетали, как фарфор,
на камень,
наполняя тело звоном.

СЕРНА ОБ АССИРИЙСКОМ БЫКЕ, ЛЮБОВНИКЕ БОГИНИ ИШТОРЕ

С тобою я расстаться не могу,
отныне я скитаться не могу,
бык жадности привел меня
к тебе,
зачем не повалиться на лугу!
Уходишь в ожерелиях стихов,
от страсти отказаться не могу,
звенят браслеты рифм на ходу,
вдвоем бы оказаться нам
в стогу,
Бык жадности привел меня
в сады,
где корни пальм в объятиях
воды,
кокосы дарят жирным молоком,
твоих грудей касаться не могу...

VIII

Шамхат уходила прочь, не поднимая глаз.
Да не будет тайной,
что глаза ее — два громадных
горящих шара,
объятые мохнатыми лапами
священных скарабеев.

Она шла нешироким шагом,
стесненным прозрачными тканями,
и живые ягодицы ее
просились в грустный взор,
как два таланта¹¹ благородного золота,
приснившиеся голодному рабу.
О раб, познавший огни ночи!
Ты, кто кроме вьючных ослиц
и блудливых коз с бубенцами
держал в стиснутой пятерне
горячие от пота космы женщины,
кто, запрокинув ее лицо,
заглядывал в зев и видел,
как во мраке колотится
о ребра ее счастливая печень,
кто, прежде чем в горло
вогнать крик,
вспоминал в совокупности всю
мудрость своего племени,
чьи мужи славны копьем,
а девы щитом знамениты.
Ты не одобришь хана Ишпака.
Но ты одобришь ее, которая,
«сложеньем раззадоря,
ворота бешенства открыла
перед ним».
Ишпака, не терявшийся в битвах,
шагнул за ней.
Напрасно, могучий.
Ибо за первым шагом последовал второй.

¹¹ 2 таланта – около 42 кг (Ишт.).

Остановись, герой. Пока не поздно.
Но было поздно – сделан третий шаг.
Шестой!
Седьмой!
Четвертый!
А восьмой был шагом самым первым,
говорят.
...Кто видел осла, идущего под гору?
Таких нет среди нас.
Ибо у истинного мужа
всегда перед глазами табуны аргамаков.
Идущих широким махом,
стучащих копытами – разом,
о, только бы выдержал разум!..
Видений позорных этих
позорнее нет на свете.
Он шел семенящим шагом,
не шел, а сучил ногами,
теряя колчан и шапку,
глазами глядя нагими.
Так волк умолял барана
отдать ему ярку,
злился.
Она уходила, и
пряный
за ней аромат стелился.
Кони заплыли жиром,
всадник плелся пешком
за храмовой проституткой...

ОБВИНЕНИЕ

Когда враги поднимали на копьях нашего славного предка Сары-Кене, он кричал с той высоты, к нам обращаясь:

«Я выше их на высоту копья.
Ишкузы, будьте прокляты,
как я,
не отдавайте семени чужим,
не делайте врагов себе подобными».
Так завещал нам хан Сары-Кене.
Он мог бы жить в плену немало лет,
ему в шатер вводили
царских дев,
чтоб, семя скифское заполучив,
мир покорить могли они, чужие.
И отвергал их, давший нам обет,
кинжал подняв, отсека источник бед.
Он пренебрег собой во имя нас.
Ишкузов он от разоренья спас.
А ты, несчастный хан, готов отдать
с мольбами семя наслажденья
твари.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ

*Будь на белом снегу беззащитен,
о человек!*

I

Итак, он стал ее короткой тенью.
Вождь племени ишкуз
ронял свое широкое лицо перед Шамхат.

Напомним с ужасом ее проступки.

Она была подстилкой жрецов и служителей храма
Ишторе.

Пока мужественные воины не разогнали их по щелям,
она доставалась ученикам письма, звездочетам
и почитателям печеки,

А теперь они, более, чем презренные, хихикали, тыкали
острыми бороденками в сутулую спину храбрейшего
в битвах Дулата, которому было поручено ханом гнать
караваны с добром к хижике девки Шамхат.

Угрюмый Дулат, отягченный своею тайной,
валил перед ней горы сокровищ, добываемых
из тюков эллинских и чинских купцов, изловленных
на дорогах благословенной Ассирии.

Этого богатства было бы трижды достаточно,
чтобы осчастливить саму богиню страсти.

Ишторе, обладающую шеей, грудью и станом,
наделенную ягодицами, несравненно более хищными,
чем шестьдесят задов, подобных заду девки,
имя которой рядом с именем богини произносить
неподобно.

Чем же она покорила вождя Ишпака!

Если ты поэт, не отвечай на этот
страшный вопрос!

Лучше посмотри, как раздает она бородатым нищим
дары его!

Чаши из бирюзы и хрусталя,
высокие сосуды из нефрита,
светильники и зеркала в футлярах,
и оловянные кувшины с ароматом
для умащения груди и паха.

Но что важнее для потомков
описать —
блеск утвари
или волнение твари!
Утрами травы утопают в росах,
запомним блеск вопросов
и ответов,
забудем описания предметов,
ударь в таблицу, письменная трость.
Запечатли решение поэта.
Отбросим многое,
лишь редкий случай
мы доведем до будущего слуха.
Клянусь, достоин хан
упоминанья,
поступками он обратил внимание
потомков.
Тот найдет табличек груды,
рассказ мой восхитительный
и грустный
другим пусть перескажет
словом грубым,
ибо дословно им не повторить
мой слог, достойный погребенья в небе.
Подвергни испытанию свое
умение читать чужие судьбы,
Мужайся, о читатель, я хочу
не справиться с бушующим волнением.
Мы начинаем медленный рассказ
о том, как страсть вождя,
став вождельем,

губительно на Скифии
сказалась.

II

Но прежде чем великое сказать,
считаю я бессовестным скрывать
к писателям порочным
отношенье.

Не будем подражать писателям
иным,

что, в клочья разорвав
дары Ишпака,

стыд наглого вранья

в лохмотьях косноречья
скрывают, златолюбцы.

Пусть же обрушатся таблицы книг,
испорченных их толстыми руками.

Чем они лучше юношей иных,
свой тучный круп

мужчинам

отдающих?

Таков поэт по имени Котэн,
который посвятил себя раззору
казны Ишпака,

И немало тем

прекрасных он испортил.

– О собака!..

.....

– Ты слышишь, о читатель?

Помешай

писателям иным

исторгнуть лай

по адресу вершителя стихов,
я мог бы им сказать в лицо:
«О свиньи!»
Но уваженье к слову
меня держит.

III

Хан себя изгонял
отовсюду со злобой.
Потеряв,
находил он себя
на базарах,
у рыбных лотков
и на крышах слепых звездочетов,
он себя избегал,
и все чаще встречались ему
на дорогах терзаний
египтяне в сандалиях пальмовых,
иудеи в хламидах,
волосатые эллины
и селавики с горазами.
Он глядел на себя их глазами
и поражался
совершенству их зрения.
И узнавался, радовался
реже
и делал то, чего не думал прежде.
Те мысли, что проснулись в нем
однажды,
спать не хотели,
требовали пищи,

он их кормил —

 он стал добрее к нищим,
и мысли, обнаглев,
каменьями в череп били.

Он видел их,

 глухих, горбатых,
 грязных.

Крикливых в будни,

 молчаливых в праздник,
они его преследовали
 стадом,

каменьями золотыми
в череп били.

 И выхода не находили.

Дулата бросил он на поиск мудрых.

IV

В те знойные дни
на базарах Арема

 боролись два мозга —
индей А-брахм,
худой голенастый философ,
седой без седин
старик, но еще не мужчина.

Когда он молчал,
достигая глубин отрешения,
кости его покрывались
морщинами мысли,
плоть очищал он до белизны
 алебастра,
силой сосредоточения
 опустошался,

был, как сосуд, свободный
от искушений
бессонных,
когда он входил в состояние мысли,
базар умолкал, потрясенный
внезапным сознанием истины.
Иудей Брахм-А,
что правил восточным базаром,
трапезы не знал,
но был вдохновенен телом,
питаясь идеей всевышней.
Взгляд, утомленный грустным
виденьем тела индея,
на нем отдыхал.
Он призывал не в себя уходить,
а в пустыню,
чтоб там добывать себе скудную пищу,
у хищных зверей вырывая,
и воду не в реках обильных черпать,
а колодцы в песках вырывая.
Под солнцем палящим часами стоял,
отводя виноградные кисти,
и базар умолкал, потрясенный
внезапным сознанием
истин.

V

Дулат приволок обоих
и бросил их под ноги хану.
Мученики поднимались
и чаши с вином не взяли.

Темнеет в фиалах чай,
шипит молоко кобылье,
на плоских каменных блюдах
 финики и миндаль.
Навес на столбах давал
квадратную тень,
в квадрате
на темном ковре восседал он.
А мученики на солнце
в пыли по колена стояли...
– Войдите в тень, эй, мудрые.
Плодов земли отведав,
во мрак
зарю утренней
внесите свет ответов.
О высшие создания,
советуйте – что делать?
Жрецы Базаров –
 знания
великие пределы.
Я раньше брал советы,
теперь их покупаю,
я золотым обедом
умнейших угощаю,
под небом рта пусть реют
крылатые слова,
мои ладони греет
алмазная халва.
Закон: на ханском тое
любой, кто запоет,
за слово золотое

ртом золото берет
и унесет с собою,
что поместилось в рот.
На этом ярком блюде
не финик и миндаль,
глядите шире, люди, —
здесь слитки и янтарь,
найдутся в этом плове
алмазы и рубин.
Ну, золотое слово,
исторгнись из глубин!

VI

Хан хриплым шепотом назвал тему.
Дулат отвернулся.
Стража, опустив распаренные ноги в живой
холод ручья,
потягивала кумыс и негромко
переговаривалась.
Индей впал в задумчивость.
Он уже, по обыкновению, не замечал,
как руки его обвивают
ползучие растения, а вокруг
ног вырастают муравейники.
Он на глазах ушел от чувств,
впал в совершенство,
не стройностью телес,
а красотой морали
он истязал взгляд стражи,
опустившей
оцепенело
чаши с кумысом.

И слуху дал вместилище такое,
что помещает
дальний звон металла,
плеск, шорох струй
и хлюпанье ослов,
сосущих мед у громкого ручья,
и скрежет
дум индейского столпа,
не избранного богом и людьми.
О бог единый, слух и глаз
 возьми,
но дай мне пасть, не крокодилью,
 боже,
не львиную.
пожалуйста, побольше,
такую, как у этого индея.
Я бросил бы ужасную затею
торчать в жару на площадях
 базарных
и звать в пустыни гнусные
 бездарных
торговцев снедью.
Я купил бы сад,
растил детей –
счастливых иудеев,
не презирал бы я ни скифов,
 ни индеев,
сидел бы, ноги окунув в ручей,
и пил бы мед
 твоих пустых речей.
О бог единый,
сделай меня добрым».

VII

Молчанье его окружало,
ему угрожало молчанье.
Хан слушать его не хотел
(мы имеем в виду Дулата).
Он слушать их не хотел —
свою коренастую стражу,
а воины пели негромкими голосами:
Власти мудрых не бойся,
бойся власти мужчин.

Лик,

исшрамленный

в войнах,

не боится морщин.

Разве женщины любят

нас

за гладкость чела?

И волна волосни

нам на плечи легла.

Шлем широкий

бросает тень

на лицо мое,

а в могучей руке

ужасающее копье.

Мы съедаем барана за раз,

если надо — быка,

не боимся ни вшей,

ни зараз,

лишь бы целы бока,

лишь бы рука сильна,

как

кобыля нога,

лишь бы глаза остры,
как кинжал у сестры,
у которой от Иртыша до Евфрата
нет брата,
отца и мужа,
кроме булата.
Лица у нас безбородые,
как у скопцов,
мы в страсти превосходили
горбатых верблюжьих самцов,
вечные беглецы,
мы бежим от судьбы,
гоня перед собой
стада смятенных баб,
усатых, бородатых.
Мы зачаты на Иртыше,
рождены на Дону,
мы не помним, где родина,
знаем только эту войну,
бесконечное совокупление света и тьмы,
но это не главное,
ибо —
коренасты сложением мы,
правосудием славны.
Молчание мудрых его окружало.
Протяжные песни ему угрожали.

VIII

Ударами плети коня веселил.
В персидском квартале
над пропастью жил
старик одинокий, копал в огороде

колодец, чтоб видеть светила.

Короче:

слепого наблюдателя светил

хан посетил.

– Я слышал, перс,

хоть стар ты и горбат,
любовным опытом весьма богат.

Поведай мне секрет соблазна,

перс,

мир содрогнется до седых небес

от щедрости моей,

признайся, перс!

...А перса разобрал радикулит,

он поклонился и не разогнулся.

Так и стоит (преданье говорит)

на месте до сих пор,

не пошатнулся.

Молчит проклятый!

По этому поводу Ничтожный пишущий сочинил стих:

Я понял истину, которую желал

ему открыть согбенный перс:

«Мужайся!

О покоритель женщин, унижайся!

И будет мускус у тебя и лал.

Порой набор красивых слабых слов

с любого тела может снять покров.

Газелью покоряли даже львицу,

словами поклонись –

и покорится!

Кто поклонился раз,

тот не горбат.

.....

Какую тайну бережет Дулат?

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

*...увидеть мир таким,
каким он уже не будет...*

«Плечом к плечу с друзьями!
Мечом к мечу с врагами!

Нет крыши, кроме тени,
язык во рту – заноза,
вырви его, Тенгри,
дай слух –

язык не нужен.

Плясали в реве копий
под музыку мечей
стремительные кони
на празднике войны!
Стелились в ноги ткани
дымящихся ночей –
плечом к плечу с друзьями,
мечом к мечу с врагами,
хан Ишпака, ты чей?»

Сознание,

сознание толкало его в грудь,
но ветер, дувший в спину,
не дал ему свернуть,
твердил он: «Помню, помню!...»

А голоса поют.

«Зовут меня на подвиг,
а в рабство отдают...»

И голоса умолкли,

когда вошел он в мир
ее прохладной мохли,
увидел —
пир.
О нет, не ошибаюсь —
там кубки не гремят,
над горлами сшибаясь,
кинжалы не звенят,
там пьяных не выносят.
виновный не бежит,
тостов не произносят —
она лежит.

II

Она лежала у дальней стены
в полутьме, и одинокая муха,
жужжа, искала паутину в углах.
Жало света (из дырки в крыше) дрожало,
в белеющее бедро вонзенное, и
любому невежде бы показалось — то плоть
изучала сияние в небо.
И сказал он, когда пот жары на теле
стал холодным,
и сказал он, когда очи привыкли к сверканию
тела,
и сказал, задыхаясь от бега,
умевший толпу поднимать смыслом слова.
...Ничего не сказал он.

III

Она спит.
Она смотрит крутыми избытками тела,

молоко выпирает из мяса
двумя кулаками,
он глазами лакал расстоянье
до куполов белых,
поперхнулся, моргнул,
о, поверьте, и вы бы лакали.
Он гортань усмирят,
он стеснялся
залаять – неловко!
В этом деле нужна не степная,
иная сноровка,
надо взвить потихоньку,
как эта зеленая муха,
чтоб жужжаньем звериным не рвать
паутины слуха.
Чтобы жало вонзало
и спать у стены не мешало,
чтобы тело дрожало во сне
и зрачок наслаждало.
Он гортань усмирят оглупевшую
музыкой мысли,
над шершавыми звуками
гневные зубы повисли:
– Кто поклонился раз,
тот не горбат!
Мужское дело мне доверь,
Шамхат.

IV

От слов таких и камень бы проснулся,
а если б не проснулся –
пошатнулся.

Снова срывали кожу, как парчу,
она почувствовала
слов камчу.

Во сне дух расстается с естеством,
совокупляя символ с веществом.
Два лотоса со дна сознания всплыли,
не солнца в лотосах —
миндалины в них были.

И отделились линии письма
от острия калама книгописца
По телу пробежали тени сна
и унеслись на крыльях.

— Дай напиться!

Это она сказала, показав
рукой пленительной
на чан с водою.

.....

Он зачерпнул, подал, не расплескав,
она пила, как лань
на водопое,
по горлу сладко пробегали
волны,
с другого берега
глядели волки.

Отставив чашу, села поудобней,
укрылась виновато:

— Слушай, воин.

Я знаю, будущее не простит,
но настоящее неумолимо,
дано мне тело

наслаждаться других.

но что мне делать,
если нет других!..
Ты бесконечен,
я кратка,
как миг,
ты долговечнее шумерских книг,
зачем горой таблиц, в огне каленых,
над мышью слабой,
о гитан, возник.
Из чувств твоих
познаю только
тяжесть,
кто не прочтет, тот
знак не почитает,
слова твои, начертанные, дарят
читающим – века,
невежду – давят,
и отнимают малое, что есть,
о, не гневись,
не угнетая местию,
поверь, в железных латах
твоя честь,
копье в руках безжалостных
и меч,
а я прикрыта лишь
ладонью чести.
Ужель побед тебе не достает,
склонился мир
нагой перед тобою,
возьми его,
он под твоей стопою,
ты можешь насладить себя любовью,

копье твое разить не устает,
мою нору не заслоняй горою.
Оставь мне крохотного права миг
любить того, кто под ударом сник.
Хоть бей по голове таблицами
 невежду,
умрет, но не поймет он
 смысла книг,
как ни желал бы!..
...Усладить тебя
 мечтала б я,
 о доля моя злая.

Нам не дано!..
Богов своих любя,
обет последний Шамашу дала я!..

V

– Ты иноверец, – молвила Шамхат, –
ты веришь в Тенгри¹²,
 в молнии и Лело,
вот если б
твои книги
поломать...
Тогда б другое дело.
 [Обнаглела!..]
Открою шею,
обнажу свой срам...
Верь Шамашу –
 и наслажденье дам!
Дыханьем флейту страсти обжигая,
мелодию Иштар тебе сыграю,

¹² Тенгри (Дингир, Тингр) – древнешумерский бог-солнце.

рождаясь каждый миг
и умирая,
верь Шамашу, неверный...
Я желаю...
Мир покорил – рабыню покори,
я умолкаю в страхе.
Говори!
Не унижай молчаньем,
говори!
Отчего над горлом,
 словно волк,
тишина твоя?
О, говори!
Облако над хижинкой, как войлок,
исчерченный орнаментами молний,
это бога Тенгри лик горит,
защити,
сгораю,
говори!

VI

«Ишпака, очнись!
Не совершай поступка
не искушайся! – голосил в нем Тенгри, –
Дороже бога стала проститутка,
не богом покупай,
 бери за деньги.
Я помогал тебе в твоих дерзаньях,
выигрывал любые состязанья,
с врагами Тенгри
 ты,
опомнись, воин.

На что тебе!..

Ты большего достоин.

Не богохульствуй,

а возьми, как брал,

распни на ложе жестком,

наслаждайся!

– Ох, помоги мне, Тенгри,

бог и брат...

– Эй, самка, как тебя, Шамхат, отдайся.

Кому сказал?!

...Не слышит глас она,

ничтожное подобие Ишторе,

страсть в веру нас ведет,

гласит История.

Стоит, лучами Шамаша обласкана.

И шевелит она ветвями взглядов,

увешанных плодами обещаний,

упругими плодами обещаний,

налитыми плодами обещаний,

проклятыми плодами обещаний,

кто говорил, что знаки над вещами!..

Безжалостные знаки обещаний,

уверенные знаки обещаний,

Кто говорил, что избежал несчастий,

когда тебе такое обещали!..

Какие праведники избежали

бесчестия,

когда им обещали

на место рая ненависти –

ад

любви Шамхат!..

VII

Ишпака.

Я сломаю
крылья ветру,
если ветер – перс,
я сломаю книги Тенгри,
если Тенгри – перс.
Что мне бог!
Не бог он вовсе,
а пенек в лесу,
даже перса
ему в жертву
я не принесу!
Если Шамаш мне подмога
повалить тебя,
значит, нет сильнее бога
в небе и степях,
преклоню пред ним колено,
испуская вой,
а другое преклоняю,
дева, пред тобой.
В жертву Шамашу верблюдов
белых приношу,
воскуряю в его имя
лен и анашу,
разломаю на пороге
пополам чуряк,
разве Тенгри помешает,
если я – дурак.
Дай
наполню твои груди
жирным молоком!

– Будь ты проклят, – плюнул Тенгри
из-за облаков.

VIII

...И Шамхат носком коснулась
жертвенной крови,
оглянулась,
улыбнулась
краешком любви
и пошла в святую рощу,
не меняя вид.
Ишпака – за ней,
нагружен
хворостом обид.
«Где твоя былая сила,
гордый Ишпака?
Эта баба превратила
хана в ишака,
перс, унылый скотоложец,
обратал ее.
Неужель твой нож короче,
чем его копье?
Этой сладкой ассирийке –
финик и чеснок!
Дай ей поле и арыки,
но лежать у ног!..
Унижаться, унижая
кочевой народ!..
Нашу славу – ей в подметки,
и наоборот.
Добывали славу,
дорожили ею,

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

*Посмотри, много ль
в небе осталось
холодных звезд.*

Дулат.

О хан, войско разленилось в городах
и погрязло в разврате и восхищении.
Ишпака, ты заставил волков жить
мирно в овчарнях, и сытые волки
стали подражать повадкам травоядных.
Они едят хлеб и срывают плоды
с деревьев. Они уже копаются в
земле и начинают сеять просо.
Жнецы превращаются в пахарей.
Ишпака, нам пора,
наши кости ослабли от сладостей,
наше мясо размякло от ласк,
наши души померкли от радости,
дай нам пищу собак,
брось нас в горла ущелий,
много стран терпеливо тоскуют
по нашим рукам.

Они ждут.
Наши кони давно не топтали посевов,
поведи нас туда,
где лучи заиграют на лезвиях,
там полезней трава для коней,
в ней избыток магнезии.
Ждет свободная Ливия,
ждут эфиопы Напаты,

Совет мне нужен,
 выходи смелее,
восстань, великий дух,
 войди в мой слух,
я буду внемлить, Перс,
 благоговей.

III

– Потревожен, восстану...
Моря переходят в пустыни...
Только с камня сойди,
сядь в тени.
Горы падают в пропасть...
Чего тебе надо?
И степи торчком восстают...
Я борюсь с дремотой.
– Победи, аруах! Я не знаю,
с чего начать...
Я хожу по притонам и
пью вино ярости.
Мне жрецы объявили войну
тишины.
Я учился читать их молчанье.
Ты не слышал – вчера хохотала
Площадь?
И потом замолчала.
Оправдай меня, Перс!..
Они хохотали, глумясь
 над природой вещей.
Они часто, выходят, жрецы,
 на помост,
и руками, ногами, лицом и

всем телом, однако,
изображают буквы письма ассирийского
или иного,
но все, кто приходит на площадь
смеяться, читают движенья
жреца, как таблицу писца,
одобряя.

А я приходил и стоял, укрывая
лицо, и качался с толпой,
и, казалось, сливался с телами,
и душа моя сплавилась с грязными
душами их.

Ты, наверное, чувствуешь, о Дух,
от души моей потом разит
ассирийским.

Извивается жрец, на помосте
мне видится море,
луна над волной
и лицо финикийца тонущего...

То коня он опишет пальцами
и глазами,

то коня и себя на нем,
молодую траву

под конем,

то неслышно поет

колебаньями рук

и ногами.

Но вот вчера я понял,
что хохот мне мешает,
врывается, грызет мое сознание,
он становился громче
и ужасней,

обрушивался хохот
на меня.
Я понял вдруг:
Жрец притворялся мной.
...Актер на мерине
изображал
 глупца
и песню строил голосом
 скопца.
Я прямо говорю —
 я за искусство,
Но разве можно искажать
 ишкуза?..
...Вообразил актер,
 что наказал
его ишкуз.
Хромал несчастный жрец
и зрителям свой иссеченный зад,
спустив штаны,
 показывал,
 скотина,
И снова ржали люди над
 вождем,
жрец тот был в одеянии моем.
А я стоял в толпе и был, как червь,
голый.

Дух.

А позже жрец изображал
 свой труп,
и это ему лучше удавалось...
Я знаю все.

Жрец не был виноват,
он рисовал классическую битву
Ашшура с вавилонским
Бел-Мардуком.
Но ты не понял сказки,
и Дулат
пронзил его стрелой из
костяного лука.
И жрец его не понял
и упал,
забился на помосте,
хохотала
толпа, все понимая
из того,
что он изображал в предсмертных
муках.
Казалось ей – он рисовал
Мардука,
ужаленного молнией Ашшуры,
и замер он в веселой позе
Ану.
Зачем ты рассказал мне,
Ишпака,
то, что тебя уже не волновало?
Что привело тебя
к чужому аруаху?
Ты хочешь спускать откровенья?
Слушай.

IV

Дух.

Пес норовит ухватить
указующий
перст.

Перси грызет он,
дающие молоко,
пес этот – перс,
и запомнить его легко.
Если увидишь, старайся,
чтоб он не забыл,
что ты барс вдохновенный,
а он пес.

– Я тебя не понимаю, перс!

– Продолжаю тогда.

Если двуногий смотрит,
когда ты на него не смотришь,
знай – у него болит голова.
Если, собрав толпу на базаре,
кричит он громче твоих глашатаев
и тычет в стороны пальцами
с черной землей под ногтями,
знай – у него болит голова,
ему хочется лечь.

А голову лечит только меч,
Руби ему череп до самых плеч.

Это мои слова.

– Аруах, пронзи меня тупым – я ничего
не понимаю.

– Когда молчат живые,
говорят Духи.

Ты всегда понимал Одно,
а сегодня твое Одно
затерялось в полчищах Многого.
Не отрицай толпу во имя Одного,
и станешь духом,
и поймешь все,
ибо все есть Дух.
И поймешь персов, каковыми
вы называете весь мир, кроме себя,
У персов есть и мудрость и злонравие,
начала сочинений и венцы.
У вас же есть Закон.
У персов есть жемчужина души.
У вас же – панцирь.
У персов дно и бездна высоты,
у вас губительное плоскогорье.
Вот что такое перс
и что такое – ты.
Я духом стал давно,
еще при жизни...

V

Дух.
Ты это хотел узнать! Узнай.
Не могу похвалиться
ни знатностью рода,
ни прочим,
я доил кобылиц,
тронов царских никто не пророчил,
но случилось однажды
(я думал, что это беда),

налетели,
 связали
и привезли сюда.
Это было в апреле,
два солнца стояло на небе,
на базаре – жара,
у хозяев торговля не шла.
Ты прости, Ишпака,
я пока говорю не по теме,
тем не менее так –
меня продали, как осла.
Наковали на ноги путы,
Как знак алиф.
Я полжизни измерил,
но верил в судьбу свою, верил,
ибо видел на небе однажды
я символ Венеры –
два сияющих круга
над купами пыльных олив.
Зреть Венеру достоин каждый,
но знак ее
недоступен любым,
он прекрасней
 ночной звезды,
если вещь непонятна,
 чтобы познать ее,
должен сущность ее отвлеченную
 ведать ты.
...Я возделывал почву,
старался работать азартно,
рыл арыки,

валился в солому
и видел во сне –
восходили два солнца
на медленном небе базарном.
И однажды –
мы в город пошли,
дело было к весне.

VI

– Ты что-нибудь понял, Ишпака?
– Я понял, что ты с хозяином пошел в
город. Не в Ниневию?
– В Харран. Но разве это важно!
– В Харран мы ворвались в разлив
Тигра. Наши кони шли по брюхо
в воде. И дома никак не хотели
гореть...
– Мой хозяин на празднике Шамаша
выпил сикеры.
Пропил все, что возможно, –
осла и мешок ячменя,
продал бороду красную
и на восходе Венеры
пьяной даме за перстень
отчаянно отдал меня,
Снял рвань с моих плеч,
с сожалением пнул
на прощанье.
Мы расстались, как люди,
я помню его до сих пор...
И за дамой пошел,
красоты она необычайной,

ай, как кожа

сквозь ткани мерцала!

...Мы входим во двор.

На траве у бассейна

джейран одинокий

пасется..

В том бассейне

веселые люди меня искупали,

и маслами натерли,

и спать уложили под пальмой...

Я уснул и увидел во сне

два знакомые солнца.

И очнулся,

и солнца не гасли.

А солнца — в ресницах.

Я подумал — ужасно!

Ну, надо ж такому присниться!

До утра просыпаться

глаза ее не давали,

до утра мои губы

ланиты ее целовали.

Так лежали рыбины

на илистом дне озер.

Так врывались в глубины ее соколиные очи.

И сияли рубины улыбок,

скрывая позор

обнаженного сна

от внимания солнечной ночи.

Как молчала она,

отдаваясь! —

сводило мослы.

Попугаи на пальме кричали,
встречая два солнца.
Это были не дни
и не годы –
дрожащие сны,
Ишпака, тебе снилось –
джейран одинокий пасется!

VII

– Продолжай!
– Расскажу про Шамхат.
Я бывал в ее сладостных думах:
«Ах, уйти бы в набег
и вернуться с победой в хурджумах!
Привести на аркане
раскосого дикаря
и ночами,
во сне,
превращать его страстью
в царя.
Сколько жалких рабов
она в гордых мужей
превращала,
возвращала им все, что потеряно,
сны возвращала.
О, ее красота отдавалась
сутулым и старым!
Только данью она не была,
красота,
только – даром!
В этом знойном саду

красота нас обоих ждала,
а вернее —

явилась она!

Мне — в сверкающем царском обличье,
тебе — в образе девки,
и каждому радость дала.

Тебе — радость раба,
мне — тревожное счастье величья.

Не гневись, согласись,
что любовь —

наслаждение нищих,
их свобода она и пища.

Был я эльфом презренным,
стал альпом великим,
достойным

принять смерть от ножа своего,
я прошел оба круга.

Завидуй.

— Грязный аруах!.. Дулат, где ты,
проклятый палач!..

VIII

Дух.

Позавидуешь персу.

Могилу твою не узнают —

покровителей мира

в забытых местах зарывают,

разровняют, прогонят стадо,

травой засеют,

чтоб никто не узнал,

не посмел.

– Аруах!..
– Не посмеют.
И никто
не придет,
не навалится плачем на камень,
не коснется гранита
палящим бедром,
ногами
и губами горькими,
мокрыми, словно перец.
Не шепнет твое имя,
щекою шершавой, как персик,
не согреет слезы
и не вскрикнет..
– Исчадие перса!..
– И не стиснет молочные железы,
ассирийские перси!
Предрекаю тебе, Ишпака, –
позавидуешь персу..
.
Ты не понял движений жреца.
Моих знаков не понял.
В тебе знание символов скифских,
ты их отвергаешь.
Тебе кажется странным –
мир чуждыми знаками
полон,
и ты, покоритель,
бессилен их тронуть руками!
Но ты ведь – ничтожество,
ты покоряешь вещи.

Их вечная сущность, увы,
за пределами силы.

Тебе не понять, почему
знак крови багровой –
синий?

Тебе непонятно,
что сам ты –
какого-то чуда
символ.

И тот, кто тебя узнает,
уверен – познает чудо.

IX

Ты шуток не понимаешь,
а хохот –
предвиденье шуток.

Спасибо,
недаром проснулся,
отдал тебе сон и два солнца.
Заткни все отверстия тела,
увидишь, как луч окунулся
в бассейн,

и трава не гнется,
а между стволов травинных
джейран одинокий пасется...
Но чем он питается, если
трава достигает солнца!..

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПЯТОЕ

*Над каждым из сущих
зреет в небе звезда...*

I

Она прошла рощу (оливковую),
присела в тени дерева (лаврового),
шелковым рукавом отерла с лица влагу,
это были слезы.

Замкнулся круг и начался второй.

Очертанье ноги проступало

сквозь тонкие ткани,

она гладила камень,

румяна ползли по щекам,

она камень ласкала

палящим бедром,

ногами

и шептала слова,

адресованные векам.

– Конницу в рай не пускают.

Ты будь одинок,

Ты войди в мое лоно,

словно в сады Эдема.

Ты с мотыгой войди,

землепашцем,

оставив клинок...

(Хан слабел от ее красоты,

превращаясь в Адама).

Ты взрыхлишь мое черствое чрево

мотыгой своей

и поймешь –

не в горячий песок.

II

Ишпака.

Ну что же, перс,
 позавидуй мне,
я не был так радостен на войне.
Тебе привычнее
под конем,
а мне привычнее на коне.
Обрек на удачу меня
 мой рок,
я в жизни не ведал таких
 морок,
меня, покорителя городов,
Шамхат не пускает
 на свой порог.
(Косая челка над узкой щелкой —
надменный вид,
а проще — долго
забытым волком
на небо выть...)
Быть любимой и не любить,
как страшно женщиной в мире быть.
Я в женщинах
 воинов слабых знал,
как побежденных, их презирал.
Шамхат, как истина, мне дорога,
я счастлив, перс, —
 я нашел врага.

III

— Высокое веко, крутая бровь,
внутри человека
 играет кровь.

.....
Над пропастью тонко
вьется тропа,
это над пастью
бьется губа.

.....
Он понял немного,
понял он —
в ложе пустое свое влюблен.

.....
Поэту поверишь ли, Суд Великий, —
он меч удержал
и не взял мотыги.
Он чести кочевника не уронил,
поверишь ли,
семя свое сохранил.
Что бога ругал, —
ну а кто не ругает?
В сретениях чувств
не такое бывает.
Ногами не бил,
не касался руками,
а слово
лишь слабого убивает.
Он стыд испытал,
а это важнее.
Молчанье узнал
в искупающем гневе.
Он был одинок,
словно перс, в этом
мире,
один на земле он,
как Тенгри на небе.

Перс тайны оставил ему.
И он принял,
он пропасть гортани
 не перепрыгнул,
словами гремел,
 тишину поражая,
молчанье вселенной его окружало.
Поэту поверишь ли, Суд Великий,
он меч удержал
 и не принял мотыги,
начертаны мудрость в нем,
 он не понял —
себя не читают
 шумерские книги.
Он в зеркале медном искал отраженья.
Оно отразило его
Отреченьем.
Себя не нашедший в горнилах
 победы,
быть может, отыщет
 в золе поражений...
Но что замышляет коварный
 Дулат!

IV

...Полз муравей,
 червя влача безумно,
росла трава над муравьем
 бесшумно,
незримо миру
 распадался камень.
Пророк, тот миг останови руками.

Стой, муравей.
Трава, замри на миг.
Останови
свой метанья, блик,
лишь мысль – червя хвост –
от боли бьется,
уходит время вспять,
что остается?
Хан отдыхал в прохладе тишины:
– Я вижу сон:
 земля благоуханна...
Покойна в Доме праха
 тень жены,
вдовы двух воинов –
раба и хана...
Я возвращался. Шел сквозь города,
все было так,
 как было бы всегда,
не будь того,
 чего не должно быть.
Что это значит –
 «времени испить?»
И коброй на хвосте
 стоял вопрос,
ответом на него –
 другой вопрос.
Упалз в пески вопрос,
 упал ответ..
Познав тоски овал
 и многогранность бед,
обвал прозрений
и сомнений кактус.

Я наконец спросил себя:
«Ну, как ты?»
И коброй на хвосте стоял вопрос,
ответ спешил,
он, извиваясь, полз
из марева времен,
дополз, устал,
лежал он перед коброй,
сух и прост.

V

...Завшивевшая змеями башня могильника.
Что от ног твоих гладких осталось?
Суставы...
От рук твоих тонких,
крылатых в злости?!
От бедер пьянящих –
берцовые кости.
Горсть позвонков и звенящих ребер –
от гибкого стана...
А где твои лотосы?
А где твои розы,
тугие на ощупь,
куда они делись? –
Осыпались в ночи...
Какое бесцелие нас породило?
К чему ты стремился,
то сникло и сгнило,
зачем предрассудков позорных оковы,
ужели не хватит
позора такого,
которого каждому не избежать!

Мы к свету стремимся,
чтоб тенью лежать,
чем выше растенье,
тем тень его дальше.
Не лучше ль упавшими
пальмам рождаться!
Не лучше ли людям по глинам стелиться,
понять кратковременной радости
горе,
у тех, кто не падал,
спокойные лица.
Но те, кто не падал,
не знают покоя.
Они не поймут,
не поверят в такое,
что ты могла
движением бровей
прощать преступника,
казнить народы.
Смеялись поколения червей,
и испарялись почвенные воды,
и разрушались кость твоя и плоть,
и трещины избороздили свод
могильника..
Прощайте, о Шамхат,
вот до чего вас доведет
упрямство...

VI

Ишпака отряхнул со штанов прах
и пошел, волоча за собою
угловатую тень,

солнце билось в оливах,
смеялось, кривлялось, как Тенгри.
«Кто был прав?»
А Шамхат?
Волочилась за ним,
 словно белая тень,
по дороге,
 сбивая прекрасное мясо колен,
умоляя вернуться!..
(Никак не поймешь этих женщин,
нарушают поступками
стройность трагических песен.
Удивленья достойны
 подобные метаморфозы).
Уходил он, оставив Шамхат
 в покоряющей позе.

VII

Ишкузы!
Я поведу вас туда,
где не бывали вы!
Я увлеку вас в рай
сквозь пелену листвы,
вырубим сад Эдем,
вытопчем мед травы.
Я побывал в раю,
и побывайте вы.
Чтоб не слабели те,
кто
 сидит на конях,
те, кто из века в век

стражу несет
на краях,
пусть не обманут вас
тайны чужих жрецов,
вещности нет в раю —
понял в конце концов.
Был я сильнее других,
стал красивей других,
стал я мудрей других,
стал ли счастливей их?..

Ему казалось, что он летел в седле,
а он трижды стоял в себе.
Ему казалось,
что он уходил от нее,
но если бы он мог понимать холодным
жреческим разумом,
что начался второй круг проклятия перса,
неотделимый от нижнего...

VIII

О Дулат, человек бессилен
прервать развитие знака,
круг неба нельзя оторвать от звена
Земли,
как Землю со всеми морями,
хребтами, Или,
нельзя оторвать от корней
одинокого Злака.
Угрюмый Дулат из-за дерева вышел:
— Пошли...

Она поднималась,
и плечи ее содрогались.
Дулат с отвращением вывел коня,
и, как труп,
обмотав попоной суконной,
ругаясь,
вскочил на коня
и бросил ее
на круп.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

*Земля – это круг,
перечеркнутый
тонким крестом,
Четыре дуги в центр глядят
с четырех сторон.*

I

Белый Шатер с черным верхом
стоял в раскаленной от зноя степи
в излучине Тигра, близ Харрапы.
Судейский шатер –
шестикрылое гнездо.
Изнутри он устлан круглым
белым ковром ики-из с черным мягким
крестом во всю площадь.
В центре ковра,
скрестив свастикой ноги,
сидел подсудимый.
Ждал судий – старейшин восьми многомужих уруков,

в тот день
угнетающий зной
делал Белый шатер с черным верхом
единственным местом прохлады.
На дне углубленного Тигра
едва ли приятнее рыбам,
их потные лица не гладит
невидимый ветер
проклятий.

...Они входили, пригнувшись,
садились у стен по кругу,
четыре – слева от торя¹⁴,
четыре садились справа,
не кланялись скуны¹⁵ друг другу,
но кланялись молча хану,
прежде чем сесть,
колени скрестив,
и прежде чем сесть,
на колени свои положив
тяжеленные руки,
скуны многомужих уруков
клали перед Ишпакой
имена родов – железные тамги¹⁶.
Все восемь вождей пришли
простить преступнику восемь
тяжелых его проступков.
Ни у одного урука тамжок не был Щит.

¹⁴ Торь – возвышенное, почетное место у дальней стены, против двери, чтобы свет падал на лицо почетного (торе).

¹⁵ Скун – вариант. «Сигун» -- букв. «самец», «рогатый».

¹⁶ Тамга – герб, эмблема рода.

Девятым внесли Его,
старейшего из старейших.
Верховный судья Хор-ахте
 обязан был не прощать
девятого преступления.
Оно могло быть и первым,
Преступнику не поклонился,
к ногам Ишпака не бросил
угрюмых достоинств своих.
Держал он чашу и меч,
 недвижно сидя на торе.

II

Их было восемь судий,
молчавших, словно львы,
их кровь ревела в жилах.
Лишь Хор-ахте мудрейший
спал, смежив веки,
в собственной тени,
и тихо кровь его журчала
в дряблых венах,
напоминая – полдень
 и арык.
Но знал хан Ишпака –
он тих,
как тигр в джунглях.
Нога его хрома, но ум проворен.
Глаза его тесны, но лоб просторен.
И стоя перед ним,
 любой честнейший воин
считал себя презренным
 жалким вором.

Когда глаза он разжимал
со скрипом,
заржавленное веко
дыбил бровью,
преступники валились наземь
с криком,
храбрейшие из них мочились кровью.
О, не встречайтесь с этим взглядом жутким,
сочившимся сквозь дебрь витых морщин,
так ночью на оленя смотрят джунгли, —
все видящий,
незримый миру джинн.
...У коновязи всхрапывали кони,
и конь Ишпака был обеспокоен.
Не ел травы густой.
Обеспокоен.

III

Похрапывал Хор-ахте.
Вопросы задавали скуны.
Был вопрос Тарака,
он испытал:
— Что, светел нынче день!
(Дочь его из молока и меда
пришла на память
и не взволновала).
— День как день, — ответил Ишпака,
он запоминающе вгляделся в скуна —
твердый лоб, уверенные скулы,
может быть, еще удастся встретиться
в той земле несветлой,
а пока

был вопрос второй,
послушаем его.

– Разве ты не видишь – в небе звезды?
И Луна?

(хотя светило солнце).

– День как день. – ответил хмуро хан,
если вам не нравится светило –
погасите,

это в ваших силах.

Бахус¹⁷ может вызвать ураган
и задуть огонь, – ответил он, –
кто преследует, тот и силен.

(Печень колотилась ему в спину,
Ишпака был сильно разозлен).

– Солнца луч блистает в небе синем,
страх не помогает

даже сильным,

честь моя,

как вываренный чай,

но и ту придется выручать.

Я сегодня настроеньем плох,

но я воин,

не возьмешь врасплох

даже ночью,

бей при свете дня,

о судья, испытывай меня!..

IV

Послушаем, что сказал Кыр-куз.

– Прекратим преследование
и предадимся разговору.

¹⁷ Бахус – жрец, шаман (Ишп.).

пляшут огнями,
будто в каждом их доме
жен

наших грубо обняли.

И они отдаются им,
жены наши!

С кого нам спрашивать,
хан великий?

Да, солнце светит
на наш позор,

враг не скрывает свои улыбки.

Хор-ахте всемогущий, я назвал проступки

Ишпака,

Один из них прощаю...

V

И поднял нож вопроса

Ики-пшак.

Его лицо лоснилось смуглой костью
и излучало черное спокойствие.

– Водой речей ответных

не отмоешь

ты имени запятнанного, хан.

Пусть будет чистой

влага омовенья,

но не клянись быть честным до конца.

Закон Шатра известен:

отвергай

все обвиненья,

лги, но защищайся.

Пока ты говоришь –

тебе мы верим.
Разрушь плотину,
пусть бурлит вода.
Мы обвиним тебя за преступленья,
не за слова твои —
ты не поэт.
Мы обвиним тебя не как лесного
зверя,
о нет.
Мечи — у нас,
тебе вручаем щит,
возьми его,
используй свое право
и в океане размышлений плавай,
и пусть не загрязнится водоем.
— Пред вами безупречный
не стоял,
закон Шатра гласит:
хвала — известна,
хула — невидима.
Давайте честно!
Все подвиги мои в ночи
сокрыты,
бесчестье бьет в глаза Суда,
как солнце.

Балта.

— Ты родился мужем —
не ребенком,
не лежал в собольих ты пеленках,
ты из чрева вылез

с грозным кличем,
степняки сказали: «Быть величью».
Не сосал грудь суки,
разгрызал губой,
молоко отдаивал
вместе с кровью,
иноверцев видел
только под собой,
это вдохновляло нас,
не скрою.
Ты слюной в пустынях
жажду утолял.
Пусть же скиснут груди
скифских матерей,
если не додали
то, что не добрал,
ты родился зверем.
стал слабей людей.
Ты владел тяжелым
правом первой ночи!
Свадеб избегаешь,
прячешься, как вор,
иль копьё погнулось?
Или меч короче?..
Муж народу нужен,
а не вол.
Если обессилен,
то закон всесилен —
мы тебя задушим,
новый бык нам нужен.
Отвечай, не мучай,
Ишпака, будь мужем!..

(Океан раздумий
превратился в лужу).
Мы тебя спросили:
признаешь бессилье?
Хор-ахте, могучий, мы вину назвали.
Мы ее простили.

VI

Твердокостный Уч-ок,
за силу бедер и редкостное слабоумие
известный книгам под прозвищем
Безголовый, прослышав речь Балты,
пришел в оживление.

Он хватил ладонью по колену,
чем боль себе немало причинил.

Послушаем, что он сказал,
в речах могучий:

– Пах-пах!

Злоесщий зной палит тебя.

Ты сух и тонок,

не терпи,

пожар твой может согреть

невестам лучезарный пах,

одну же

может он спалить,

дай выход скотству,

не терпи.

Я б не хотел на месте быть

той девы робкой –

не терпи!

(«И я б замены не хотел

такой», — подумал грустно хан).

Не воздержись! Веди нас в бой,
мы ринемся тебе вослед,

на спину глядя, как на свет,
ты знаешь, в битвах я какой!

Спроси жену мою,

она

в меня, как в волка,

влюблена.

Я все простил тебе, о хан.

— Ты можешь лишь одно простить.

Один проступок.

— А какой?

.....

«Он восхищен мной, —

мнил Уч-ок

и шевелил волос пучок. —

А может быть, судьбой своей?

А может быть, женой моей?!»

Эй!!

VII

И молчанья толпу

раздвинул плечами

скун рода Тилик.

Показал он, вздохнув,

словно крякнув с досады,

свой острый язык.

— Ты не принял слов дружбы,

не принял пощады,

ты духом велик.

Ты огнем закален,

как страница печальных
наших глиняных книг.
Этот мир завоеван,
но разве лишь в этой
вселенной живем,
Ты уйдешь от нас раньше,
тот мир покоришь,
за тобою пойдём.
В той неслетлой земле
снова грозным вождем
мы тебя изберем.
А пока подождем
и рассыплемса просом,
сгнием под дождем,
разбредемса по землям,
по разным дорогам уйдём.
Разберем свои тамги,
народ наш лишится письма.
Что же скажет Хор-ахте!..
...Тот спал, и довольно весьма.
По закону Язу

не положено судий будить,
если он не проснулся от слов,
знать, слова не важны,
если он не проснулся от воплей ослов,
ослы не нужны,
если тигры его не разбудят,
и они не страшны.

По закону Язу,

отложили на день приговор,
нет решения, значит,
пока ты по-прежнему – вор,

Спустился к Тигру.
Заструился шелк
слепящего широкого потока,
как будто ждал его
недвижно, долго.
Хан усмехнулся добро
и похлопал
по ласковой упругой коже:
«Топай!
Спеши, гони свою волну
к Евфрату,
задумчивому илистому брату,
сливайтесь в племя мутное
углом».

Распахнуты врата прекрасной Евы,
и города Ашшура, Вавилон
вместились (или вышли!)
в Бабье Лоно.
Лежит Арем, раскинув
ноги рек,
восьмиэтажный столп
вонзился в угол –
лар Аполлона,
(одного из этих пугал
являл ему на Крите
Архий – грек).
Кыр-кузы называли – Аму-дарья,
разбросанные, словно ноги,
воды,
косоги нарекли – Сыир-дарья,
разбросанные, словно роги,
воды.

II

«Теперь я знаю все —
в пустыне горькой
мне нужен виноград,
который давят,
который,
перезрев на солнце ярком,
сознание символов любви
нам дарят.

Спокойствием ума
сейчас обязан

я

виноградным лозам,
тяжелым гроздьям,
ногам лохматым,
что давили их
в корыте каменном,
кричащим сокам,
кувшинам полным, что хранили их,
руке своей,
что подняла высоко
сосуд, налитый

темным знаком солнца,
и горлу остуженному.

За правду!

За то,

что в виноградниках

обильных

мне нужен мрамор

пряный.

Эй, горбатый!

Наполни-ка еще один кувшин».

III

Поэт.

Мой долг напоминать тебе такое,
что, успокоив,
вновь лишит покоя.

Мне отвратителен гранат и
финик липкий —
прекрасен виноград
на лозе гибкой.

На эту тему стих:
«Не будь он так прекрасен,
то вид его в давилъне
под ногами
был бы не так ужасен,
согласитесь.

Все лучшее, что солнцем
создается,
ногам невежды все же
достаётся.

И это некрасиво, согласитесь».

Ишпака.

Мы с Понта холодного
рвались в Элладу,
нам ветви олив изодрали
халаты,
из дыр виновато
глядела на Грецию
вата.

Врывались, как Ларры,
и землю,
как кожу коровы, распяли,

и били копытами в бубен
Эллады.
Проспали
глухие историки
 этот поход знаменитый,
но мы не забыли,
как били по бубну копыта.
Все восемь
великих колена
ударили в камень,
на скалах
 тусканы эмблемы свои
высекали,
турканы и турши
 сознание оставили там.
Сгибались, как лозы,
 колонны
 под гроздьями тамг.
...Я чудо увидел,
войдя в один атриум белый,
над ярким бассейном
плясал
 не по-зимнему спелый,
весь в трепете света,
янтарный, как брызги Евфрата,
лавиной,
 каскадом
кипел над водой виноград.
И я потянулся —
 он всех виноградников
 стоил,
и я обманулся:

в ложе тесном,
скопца – мудрецом,
жреца ассирийского – честным.
К чему беднякам драгоценные
перстни?

Невинна.

Я вижу стада голодных скопцов,
а щедрых купцов
не видно!

(Толпа хохотала до колик, до драки кольями).

Певцу выставляю корчагу сикеры,
кто воспет золотистые брови,
которые с сердцем героя вровень.
Ну, кто единственный,
а кто – первый?

VI

Взошел на помост бесплечий красавец,
весь рыжий.
С лицом, изможденным от боли в паху –
от грыжи.
Держась за больное место двумя руками,
лицом повернулся к восходу
и спел, не лукавя:
«Женился бы пышною свадьбою
хоть на корове,
О, если бы были на ней
золотистые брови».
Скиф добрым пинком проводил скотоложца
с помоста,
ушел он, руками держась

за второе
 больное
 место.

– Задел он корову святую, скот,
корову, несущую диск в рогах,
это песня врага!
Лучше отдать башмачнику нищему
 полный сосуд,
те, кто не любит коров,
пусть!..
Толпа избивала неверного,
рук не хватало
ему за места хвататься,
толпа хохотала.

VII

Башмачник, известный базару
веселым нравом,
отбросив костыль,
сплясал на помосте
 на правой,
и, стоя, как аист,
жрал, сунув в сикеру нос,
корчагу, как кость обглодал,
и упал под помост.
Его затолкали пинками
поглубже и стали
глядеть на нее,
 других представлений ждали.
Она, вся укрытая
 черным сукном

попоны,
торчала на солнце,
дыша лошадиной вонью.
Скиф глянул на север,
рванулся рукой к акинаку.
И –
врезались в гущу толпы
воспаленные кони.
Скиф славно работал –
по битве истосковался,
он сбил одного
и троих,
уклонялся,
смеялся.
Ишкузы жалели его,
не стреляли из луков,
они отошли от помоста,
и он со стуком
вонзил акинак
скровавленный
в доски.
Баста!
– Я знал, Ишпака,
ты настигнешь.
Я сдался. Властвуй.
Хан тронул коня:
– Я ее покупаю, Дулат.
Горсть тенгриев желтых
ударилась под ноги
скифу,
один отскочил от меча,
покатился,

исчез.
Наверное,
в щель закатился,
наверное,
сгинул.
Ее подвели, посадили в седло.
Ишпака
глядел на Дулата с тоскою
собачьей.
– Эй, воин...
Садись на коня,
я прощаю...
Помял ты бока
моим молодцам..
– Ни-че-го, Ишпака,
ты не понял!!

VIII

Дулат.

Глаза мои плачут,
не золото мне было нужно,
убить я ее не могу,
я ведь знал –
ты придешь.
Но слово есть слово,
я клятвою связан ложной,
ее не нарушил,
я верил, что ты поймешь.
Но ты не осел,
ты хуже, отец ишкузов!
Любимый мой друг,
я верен тебе всегда.

Ты звал, и я шел,
истекая,
не зная куда!..
Верни меня в степи родные,
хочу туда,
где солью Балхаш умывал,
где плыл Каратал,
я все эти годы
 ночами во снах
 умирал
на родине нашей,
я снами
 года коротал.
Верни нас домой,
и забудем, что было
 тогда!..

.....
Оседала пыль, поднятая умчавшимися конями.
Базар вылез из щелей и, ломаясь, бросился
на пустой помост, где ярче крови желтели
круглые тенгрии.
Под помостом в пыли лежал на спине
 одноногий
башмачник, храпел, заливая слюной
подбородок и шею.
Узкая полоса света из щели
рубила лицо,
грохотало над ним деревянное небо.
И светилась в пыльном луче
золотая монета,
прилипшая к грязному поту
между бровей.

РОГА

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

*Это осень, жизнь растений
бедна и печальна...*

...Все было так же. Хор-ахте спал.
Сидели скуны, и каждый ждал,
когда проснется великий Ра,
поднимет чашу и меч
с ковра.

Не дождались —
преступник встал.
— Ишкузы, слушайте
речь вора.

|

Я вас привел сюда. Вспомните:
верблюды ревели. Тугими горбами трясли.
Песчаные вихри в пустынях,
как рощи, росли,
В тени ураганов
на пыльных от ветра конях
все восемь уранов
сквозь вопли кумеров прошли.
Покрытые пылью ударов
бессильных мидян
искали страну легендарную
и не нашли...
Возьмите таблицы
и каждое слово проверьте,

любое созвучье –
сретение жизни и смерти,
молчит верблюжонок,
ревет обезумевший волк,
и каркает птица
над круглым пустеющим полем.
Ишкузы,
откуда приходит в Ассирию осень?
Ответьте,
откуда летят наши бедные гуси?
Они возвратятся весною, озера их спросят,
о чем их весною пытаются озера,
ишкузы!
Озера степные, поросшие мелкой осокой,
глубокие ночью
и плоские в полдень озера.
О ком они спросят,
соленые от позора?
Ответьте, Кос-оги.
Они возвращаются, гуси,
они пролетают
над мрачными спинами
сгорбленных гор Улу-тау,
перо
на скалу опустилось,
растаяли
гуси,
о чем их спросили ущелья?
Ответьте, кыр-гузы!
Там ваша
родина –
красная глина в буранах,

жесткие травы
с шелестом гнутся от ветра,
она не корова —
худая волчица
 в бурьянах,
но есть ли прекраснее мать,
чем своя,
 ответьте!
Я тысячи копий с седла метнул,
я тысячи стрел в тела окунул,
одну, визжащую,
как ответ,
стрелу мою
с силой в меня вернул
нежданный ветер.
Всего одну...
Там предков могилы,
там Сар-кене
в скалы впечатался на
коне,
вернемся, как гуси,
пока не трудно.
Вернемся, ишкузы,
как пальцы на струны.
Прорвемся,
и нет на земле преград,
которые сдержат
движенье назад,
Это не просьба, но повеленье,
силу имеющее. Последнее.

II

Скуны!
Стариком не буду,
раз младенцем не был,
молодым и сильным
я уйду на небо,
я вам предлагаю
так казнить меня –
дайте мне лавину скифов
и огня!
Я пройду сквозь толпы
персов,
как сквозь лес,
затрещат их кости,
как сухие сучья.
Слушайте!
И если прекратится треск,
значит, уничтожено
племя сучье.
Не нравится слово?
Другое услышь –
я введу свое племя,
как пламя в камыш,
города их запляшут
другими огнями,
их дороги, как бабы,
взревут под конями.
Ослепленные челками кони
храпят подо мной.
Ночь сегодня?
Согласен с вами,

значит, утром –
веду вас в бой.
Стук мутовки –
пахтают кумыс,
молодцы доят кобылиц,
Ишпака опять на коне,
перс визжит на моем копье.
Будьте же готовы к славе, люди,
тех, кто скачет с нами,
она любит,
обнимайтесь,
колотитесь лбами,
я вас не прощаю,
но я с вами.

III

Он смотрел не на них,
он смотрел в равнодушное солнце двери,
в громадный квадратный белок,
в котором, словно зрачок кошачий,
чернела стройная
женщина.
Он говорил, глядя в это Око:
– Я принял правду ваших слов,
вы приняли мою.
Не прекратить удары языка
в сухое нёбо.
Вы защищаетесь, я – нападаю.
По закону Язу, хан Уходящий
оставит наследного хана,
все скифы – мои сыновья,

и я выбираю любого
из избранных.
Того, кто быка победит на ристилище
самого злого,
тому я невесту обязан найти.
Вот моя мысль.
А вот мое слово –
войди!
На алой кошме невесты
ее посадите,
и пусть достойный
ее выбирает.
Слабый пусть умирает,
а сильный пусть
остается
и ей достается.
Пусть из рабынь она первая будет
царицей.
Будет!
Она благородна душой и сложением
полным.
Я призываю вас, судьи, свершить
преступленье,
которое – подлость,
в сравненье с моим униженьем,
но когда доброта обесценена,
грех – это подвиг.
Уйди!

IV

Он замолк. Опустело Око.
Оглянулся.

Взгляд его увяз в морщинах
лица Хор-ахте,
он рванулся.

И все посмотрели туда же.
На высоком торе,
облитом черным ковром,
неподвижен, как пень,
старейший Хор-ахте
второй день
сидел, погружен
в омут раздумий.

Глаза его не открылись ни разу.
Но губы его шевелились. Он пел.
И чаша в руке

проливала дрожащую
воду воспоминаний:
...Он забыл ее, очень давно это было.
У Нила.

Пили кони медлительную воду
разлива.

Олива...

И на зеркале вод возникали
воронки дыханья.

Он был Ханом.

Уносилось в рога океана багровое
солнце.

Весомо.

И она, чья спина трепетала
под взглядом его,
уносила под ребрами
сладкое чадо его.

V

Пел старик о зеленой тростинке,
пел, седой, развивая жилы,
его голос высокий качался,
как цветок

на старой могиле.

Он забыл то лицо и талию,
как ее обнимал

и так далее,

только голос

уныло помнил

до деталей

веселую полночь.

Как собаки тогда брехали!..

Ишаки, гогоча, брыкались,

и сухая трава под телами

извивалась

и вырывалась...

Не забылось...

Завылось...

Дрогнуло...

Сердце вора шершавым тронуло,

Ишпака, потерявшись от жалости,

раздирал свои губы сжатые.

Думал, всхлипывая: Хор-ахте,

что ты делаешь, вран порхатый?

Лучше б каркал, вгрызаясь в падаль,

лучше б с торя на жертву

падал,

погружал свои когти

в печень,

не до песен мне...

VI

...волк, воющий над вялой розой.
Смеются жертвы – поздно!
Может, рано?
Пой, не стесняйся,
 вой, мой глупый волк,
пусть улыбнутся умные бараны.
Достоинство –
 в бою забыть себя
и поражиться вражескому горю.
Чем я могу помочь тебе,
 судья,
я, так недавно видевший
 нагою
свою судьбу!
Судьго не успокою.
Кричи!
Героев множество воспето,
умеющих сражаться
 и сражать,
но есть ли женщины,
достойные разжать
кинжалами красоты
уста седых поэтов?
Кричи!
...Он плыл в воспоминаньях,
 он был
 с той дивной, робкой
 дочерью Коровьей.
Он засудил.
И глаза не открыл.

Но твердокостный Уч-ок, наводящий ужас
на врагов,
на всякий случай
помочился кровью.

VII

По закону Язу,
если судья запел,
никто не мешать не обязан.

Закон Сар-Кене
любое предусмотрел,
ибо всякий закон
правителю
богом подсказан.

И скуны кивнули:
1) вернуться на землю свою.

И скуны кивнули:
2) казнить Ишпака в бою.

И скуны кивнули:
3) пусть нового хана назначит.

Плечами пожали:
4) ну и рабыню, значит...

Разобрали свои тамги и вышли,
Расставляя ноги, подался в степь Уч-ок,
забыв второпях
одну стрелу из трех. Ее подобрал Кос-ок.
Хор-ахте¹⁸ пел, уже раскачиваясь. Никто
не понимал.

Он пел на древнеегипетском.
Назван судья?

¹⁸ Не в честь ли древнеегипетского бога по имени Хор-ахте назван судья?

РИСТАЛИЦЕ

1

Ишпака велел свалить лучших жеребцов,
верблюдов и баранов
из своих стад,
Выдоить целое озеро кумыса
из своих кобылиц.
Наполнить кирпичные чаны ассирийским
вином и сикерой
из кувшинов своих.
В этот день
голодного поймаешь –
накорми,
а голого увидишь – разодень.
Отряды ловят на дорогах нищих.
Купцов, послов, лазутчиков и прочих
арканами хватают и ведут
к ристалищу и у костров сажают
на шелковых коврах и угощают,
И пусть не скажут, что последний пир
Ишпака
скудным был, игрище – скучным.
На холмах, окружающих долину,
в тени деревьев раскидистых сидели
ишкузы и с подносов мясо ели,
куски макая в чашу с жидкой солью,
окрашенной зеленым чесноком
и красным перцем.
И ели так, чтобы баран вставал
на все четыре лапы в тесном чреве.
Тогда его топили в кумысе...

Бросали жребий все вожди уруков.
Кость пала белой стороной двоим.
Те двое молча обнялись и снова
швырнули кости.
Вскрикнул Ики-пшак!
И сел Косог на место побежденным.
Скун Таг-арты, вождь рода Ики-пшак,
который без щитов в толпу врывался,
не дав врагам пересчитать друг друга,
поднялся во весь рост

и крикнул сына.

Взревели ики-пшаки на холмах
и вмиг сады угрюмые срубили,
чтоб видеть не мешали им арену.
Бежал он, раздеваясь на ходу,
остался в кожаной короткой юбке.
И добежал

и радостно дышал,
лицо его волнением сияло,
жемчужина, что не имеет ценности,
пока она на дне

в зеленом панцире.

Но если вдруг найдут ее,

и выйдет

и явится глазам —

ей нет цены!

— О скун-торе, — промолвил Таг-арты, —
благослови на подвиг Безымянного,
не проливал он молока старух
и по лицу не бил седобородых.
Он хочет имя мужа получить
и стать отцом великого народа.

Позволь ему...
Хан Ишпака кивнул
и поднял красный плат,
чтоб выводили.
Быка.

II

Держали с двух сторон
на бронзовой цепи
три скифа справа
и четыре слева.
Дойдя до середины, они разом
с рогов сорвали цепи,
разбежались.
Бык не догнал,
стал у скалы,
слушать,
о чем кричит
мальчишка безымянный
на сером камне,
голос возвышая,
размахивая родовым оружием.
— Я сделаю тебя коровой,
бык,
перечеркну рога твои мечом,
священный враг.
О, ты еще силен!
Когда ты ударяешь рогом в камень,
из камны серого, как из мешка,
на землю сыплется мука,
о бык.

Мальчишка прыгнул со скалы,
на спину,
быка,
ударил по бедру —
и прыгнул
в песок ристалища,
вскочил и прямо,
клянусь,
как лев рогатый,
 прыгнул бык.
— У! — взвыли ики-пшаки.
Увернулся.
— И! — раздалось с холмов.
Он улыбнулся.
И поднял нож
и обманул быка.
Он не вонзил в загривок.
издевался,
плашмя прижав к рогам,
он упирался
спиной вперед перед быком он ехал,
урук, его подбадривая, ухал.
Рога с мечом соединились:
— Уй!
Бык двигался, набычившись,
 как пахарь,
мальчишка пятками песок пахал,
он оставлял
две борозды глубокие
и потом крупным сеял. Он устал.
Но не сдавался,
 не ломал спины,

весь устремлен вперед, хоть двигался назад,
а бык не отвлекался —

пер к скале.

Разноязыкая толпа шпионов,
послов, купцов и нищих

надрывалась

при виде перечеркнутых рогов.

Вопили галлы:

— Ви!

Им вторили арамы:

— Аль-ви!

— Хо-ви! — собачились эллины.

Надсаживался кто-то:

— Ви-та! Ви-та!¹⁹

...Вино потягивая, ждал Косог,
когда припрет соперника спиной к скале
священный враг.

...И сломаются руки,
не выдержав тяжести мощи быка,
меч вдавится плоскостью в грудь,
сокрушая ребра,
и за ним

в кровавое месиво

влезут рога.

— У! — оседала толпа.

Таг-арта посерел, как скала.

Оборвал до плеча рукава.

¹⁹ Соединение рогов (у, в) с чертой (и) давало священный знак «убитый рога» («не бык»), в эпоху матриархата — основной символ бога-женицы. Название бога-женицы (жизни, любви, рождения), распространяясь по миру, обростало артиклями: семит, аль; греческ. хо; индо-евр. то, ти (аль-ви, хо-ви, ви-та, фи-та). (И.ш.п.).

Замер в безмолвном крике.
Бык возвращался, стряхивая с рогов
розовые кишки

Безымянного мальчика.

И две борозды обнюхивал,
вздымая песок дыханьем.

III

Скун Арт-ага,
чей род вдохновенный Косог,
просивших пощады не сек,
бежавших домой не рубил,
поставил пустую чашу у ног,
встал и приблизился к хану,
ладони крестом на груди

сложив.

– О Скун-торе Уходящий.

Благослови сына моей женщины
безымянного Кози Корпеша на великую
смерть.

Да пусть из спины его выйдут
два острых ножа бычьих.

Да будет он жертвой тебе,
о Бык Уходящий.

Кивнул Ишпака не глядя.

...Косог Безымянный остался в кожаной
юбке и в куртке с короткими рукавами.

Широкие плечи его ушей не касались.

Он был не жемчужиной нежной,
он панцирем был зеленым.

Жемчужина украшала
багровыми пятнами
камень.

Косог со скалы обращался,
и крик его был негромким:
— Я сделаю тебя коровой,
бык.

В рога твои я вдену красный
щит.

Я вышибу багровый диск
копьем,
нож погружу между рогов
опасных.

Белел песок арены, бык чернел,
к скале не шел
боялся вида крови.

Сходило
солнце между двух холмов,
как бы в рога багровый диск
садился.

Под крики обнадеженных кос-огов
широкоплечий юноша спускался,
тупым копьем в щит красный колотя,
Бык не бросался.

Он сопел и ждал,
когда закончатся его мученья.
Придут, наденут цепи, уведут.
Заходит солнце, время водопоя...
Косог швырнул
ногой в глаза
песок,
взмахнул щитом и вдел его в рога.

– Ту! – холмы взлетели.
И солнце скрылось,
и на темном небе
возникла ярко новая звезда.

IV

Косог, шатаясь, встал,
пошел к щиту,
поднял,
к быку лежащему вернулся,
присел и вырвал
длинный нож
с фонтаном.
Глаза быку обмыл горстями крови.
В четыре взмаха голову отсек.
И на щите нес голову и гнулся,
так тяжела была та голова.
Косоги пели, стоя на холмах,
молчали ики-пшаки, восседая
на срубленных оливах,
Таг-арта
шел от скалы,
за ним тащилась женщина,
хватая руки мертвые,
свисавшие
с плеча неутомимого вождя.

V

Косоги разжигали на арене
костер.
За хвост
быка к огню тащили,

острили ствол оливы
и совали под хвост быку,
распарывали брюхо...
Он поднимался к Красному навесу.
Щит с головой сложил к ногам невесты,
стал на колени, тяжело дышал,
гул бычьей крови
 восставал в ушах.
...В крови четвертый палец
 окунула
и красное поставила пятно
между бровей своих...
А он сказал,
– Отныне ты, Шамхат, моя корова,
несущая цвет солнца меж рогов,
начертанных богами на лице
твоим
опущенном.

Он задыхался.
Устал он, поднимаясь по холму.
– Отныне бык ты мой, –
 она сказала, –
Я жду тебя в шатре,
 мой муж рогатый.
Иди за титулом, –
 она сказала, –
ты беден именем,
а я богата.
...Теперь не голос,
 тело все дрожало,

когда он нес тяжелый щит с рогами
к навесу голубому. Он боялся –
Преступник шел к Преступнику
за славой.

Он подошел и положил поднос
к ногам
своим.

Приблизился, склонился,
поцеловал плечо и руку.

Сказал:

– Ушедший хан. Я победил.

Твой бык был поражен
моим стараньем.

Признай. Надень достоинства быка
на голову мою
и дай мне имя.

Хан долго поглядел в его глаза,
укрытые броней ресниц,
сказал он:

– Ты был неправ. Но ты его свалил.

Он снял с себя тяжелый шлем с рогами,
косою пал на колени.

– Заслужил.

Когда-то брал его у Хор-ахте...

Он так же не хотел, но я хотел...

Возьми рога и титул

Пер-Им-Торе.

А имя твоё будет

Арты-ту.

С колен своих меча он поднял тяжесть.

– Ты поведешь мою орду к восходу,

когда я в битве первой упаду.

Он палец обмакнул в крови быка
и красный крест между
своих бровей
провел.

И приказал вождям уруков:
– На символе вселенной поднимите,
пусть Тенгри-хан
усыновит его.

Вожди подняли белую кошму,
косог на ней лежал,
дышал от счастья.

VI

«Пусть то, что ты делаешь ныне,
смешно и постыдно,
но если великая страсть –
украшение чувства,
тебя захватила и бродит,
как вихрь в пустыне,
и если сегодня ты счастлив,
то завтра – искусство.
Всю силу, все солнца –
в сегодня,
ведь завтра не будут
все праздники жизни отпущенной
сразу – без буден,
судьба одноцветная –
это кошма без узора,
ты высшую храбрость познал –
не бояться позора».

Движенья – украшение души,
едва заметные,
 подчинены дыханью,
невидимы,
 как ветра колыханья,
что охлаждает щеки, возбуждая
воображенья будущего хана.
Спокойный взгляд
 из-под густых ресниц
способен был дробить
 скалу гранита,
Алку грудную густо усыпали
граненые крупы лазурита,
лучи ломались –
 грудь ее дышала.
«В пустыне жаркой
 молятся не Солнцу,
подобию его –
 луне угрюмой,
в пустыне снежной
 молят не луну,
подобие ее
 нас наслаждает.
Все будет снова», –
 думал Ишпака, –
«Кем родилась?
 Наложницей?
жена ли?»
Запястья стройные
 (нежна ль рука?)
браслеты из сердолика
 сжимали.

Был бронзовыми убран зеркалами
широкий пояс,
 облегчавший грудь,
и два ножа,
 сходящихся углами,
не позволяли глубоко вздохнуть.
На рукояти выдавлено слово —
«Невинность»,
на другом ноже —
«Вина».
Таила блеск в футлярах тростниковых
среди мирных драгоценностей
война.
О, ярче золота и минерала,
когда придет пора,
 сверкнут клинки!..
Всех украшений
 стоит блеск кинжала,
когда он — продолжение руки
такой, как эта...
«Не повторить тебя,
 ты совершенна.
О, если б хоть один изъян увидел,
я жизнь бы сохранил
 для завершения
гармонии твоей,
Я не в обиде.
Все будет снова.
Может, чуть иначе
ресницы колесниц на лицах...
ночи...

увидишь стелы наши,
где бездонны
озера...»
– Будь, Шамхат,
себе подобна.

III

– Возьми ее, как разный,
исполняй
ее желанья.
Даже тени стройной
не позволяй чужой ноге коснуться.
Желаний мужа
будь и ты достойна.

Косог послушно голову склонил.
Обряд ему надоедал.

Желал он.

Шелк одеяла взгляд его манил.
Сейчас уйдут,
Опустят полог.
Ждал он,
– Укрась четвертый палец его знаком –
кольцом серебряным.
И ты надень.
Соедините руки,
чтоб столкнулись
два круга.
И не разнимайте их.
Пусть над пожатьем вашим
станет слово.

Название Восьмерки Небной –
сег'с²⁰.

Любовь – два круга белых –
айн-аль-айн,
любовь прощает
 восемь преступлений.

Шамхат не поклонилась,
 но сказала,
не будет тайной,
 что она сказала.

– По праву первой ночи должен ты
вкусить вина девичьей красоты.

Обязан первым пробовать
 отраву,
О Уходящий Хан,
 используй право, –
она сказала.

Бороды кивнули.
Вожди родов, услышав голос правды,
свои тела в пространство окунули,
когда закон вершится,
 судьи рады.

IV

Огни светильников всю горели,
с камнями расставаться не хотели.
Упал со звоном пояс на ковер,
и в зеркалах мелькнули блики тела.
Весь мертвый блеск
 с себя она срывала,

²⁰ Знак 8 – был у нас символом любви, и потому в огуз. языках название восьмерки – «сегс» означает и «половой акт» (Ишп.).

Теперь лишь скромность
стыд ее скрывала.
Пригнувшись, вышел
молодой косог,
и войлок полога укрыл перег.

V

Ретроспекция

...Жар пестрого базара,
рабыня на помосте.
Дулат слова бросает,
как циферные кости:
– Ее тамга – два круга,
два глаза, как два солнца,
две ягодицы,
груди,
как два горба верблюда.
Эй, не глядите мимо,
не обманитесь, люди.
Два круга, как два блюда
с ломтями
блуда.
День в ночи превращает,
в неверье обращает,
и кто не знал, познает,
что значит расстоянье
меж двух кругов единых!
Познайте тайн дивных!
...Познайте дивных тайн,
рабыни Айн-аль-айн²¹.

²¹ *Айн-аль-айн* – др. семит. название знака любви – Два круга (Ишп.).

VI

И случилось то, о чем ишкузы тихо
поют, наполняя глаза горьким
светом.

О, этих женщин вправду не поймешь,
их искренность
лишь обрамляет ложь.

– Бери, если уверен,
что возьмешь.

Власть упустил?

Меня ты упустил.

Ты так любил,

Теперь ты не дрожишь.

Уходишь от меня,

исполнен сил.

Жизнь отдаешь?

Ты мной не дорожишь.

...Рабы не имели страсти

и не достигли власти.

В несчастных я пробуждала,

если не страсть,

то страсти.

И не свободу –

волю

в души их насаждала,

этим прекрасным телом

веру их наслаждала.

Я не умею править,

но наделяю правом

первой счастливой ночи

тех, кто продолжить хочет

дни

в неразумном счастье,
тех, кто достоин участия.
Ты же, увы, не сможешь
не утомиться властью.

VII

Он разрывал ее руки,
как ткани.
Она, как раба, отбивалась руками,
кусалась, мычала,
впивалась зубами досады,
визжала,
как нежный джейран
в тигриной засаде.
Сдавил ее горло
и в рот ей вогнал крик,
он белел из открытого рта,
словно мраморный клык,
и скользил по броне боевой,
защищающей сердце.
И когда он расчистил путь к цели,
когда он руками пчелы
раздвигал лепестки ее ног,
чтобы жалом звенящим
ударить в нектар вождеденный,
случилось то, о чем ишкузы тихо поют,
наполняя глаза
горьким светом вопроса.

VIII

Читатель мой, мужайся,
мы из шатра не выйдем,

что было – не увидим,
что не было – увидим.
Кто видывал такое –
цветок пчелу ужалил
и навсегда покоя
лишил пчелу?
– Ужели?
Светильники пылали,
косог за стенкой плакал,
и возле сердца плавал
ай крови:
«Айналайн!»
Верблюдов нагружали,
гнедых коней седлали.
Костры в степи тушили
смущенные мужчины.
Плясали в реве копий
под музыку мечей
стремительные кони
на празднике войны,
стелились в ноги ткани
дымящихся ночей,
лицом к лицу с друзьями,
мечом к мечу с врагами,
взовьется пыль погони?
...Летели сквозь Персию злые,
веселые кони.

КАЗНЬ

I

Шел дождь.
По шлемам войлочным.
По латам кожаным.
Домов тележных
раскисали кошмы.
Густы у небосклона персов стаи.
Сошлись кибитки в круг –
и кошем стали.
А стрелы вяло падали
из луков,
стрельба не получалась у косогов,
не гнулись луки – тетива тянулась,
судьба ишкузам
криво улыбнулась.
Уверенные луки
не стреляли!
Оракулы ишкузов
Растерялись.
Трезубцами по лужам провели,
а что они прочли,
никто не спрашивал.
Но вот выносят знамя рукопашной.

II

«Мы садились на пегих коней,
к животам прижимали руки,
и молилась орда
перед ней,
проносили хоругви, хоругви.

В центре белый каганский флаг,
волчеглавый и солнцегрозный,
а на левый и правый фланг
уплывали знамена
красные.
Этот видел их,
видел тот
наше крепкое красное знамя,
красное-красное,
как восход,
потревоженный табунами.
До закатных стран донесли
цвет восхода.
Они узнали,
что закаты румийской земли
были цвета восточного знамени.
Жен румийских собой напоив,
возвратимся мы стариками,
станут драками наши бои,
реки горные –
арыками.
Мы вернемся в свои ковыли,
поредеют густые сотни,
и в пределы родной земли
пусть ворвутся
пустые седла».
Ур!²² – привстали на стременах,
Ур! – поправили малахаи,
Ур! – и двинулись племена
жнецов немилосердных на пахарей.

²² Ур! – клич, дословно «Бей!». (Ишп.).

III

Две оцетинившиеся толпы,
грязь поднимая,
медленно —
навстречу.
Оракулы, поглаживая лбы,
глаза закрыв,
предсказывали
сечу.
Оки шептали:
«Копья затрещат,
ножи вонзятся в горла храбрых персов.
Дождь скроет подвиги
сынов ишкуза».
Пророчество сбылось —
войска сошлись.
Сливались две толпы,
как два ежа,
ломались копья,
застревая в ребрах,
и крики разрывали
горла храбрых
быстрее ножа.
Все в этой битве
было, как сказал
оракул.
Кони на дыбах
хрипели.
Хан Ишпака —
халат на голом теле,
камча в руках
и бешенство в глазах.

«Закрыв лицо рукой,
сейчас я струшу,
мне жаль людей,
которых я не встречу.
Поэт, опомнись!
Чтоб не рвались струны,
прижми рукой,
продолжи пенье
речью!
И предок чей-то,
мне нельзя без славы.
Хотелось мне попасть
в твои скрижали,
я сильным быть хочу —
не помнят слабых!..»
...Он рвался в гущу,
но его отжали.
Дулат —
(он тоже смертник...
жар... помост...)
ударом чью-то голову украсил
и обернулся радостно:
«Помог!»
И —
не вернулся в степи:
жизнь утратил.
Раньше тела,
не успев заплакать,
жизнь упала,
задирая платье,
в грязь...

«Раба последняя, – подумал. –
Может, ветер на нее подул!»
Братья на шершавых камнях шей
с визгом
правят лезвия мечей.
Жить!
(свергался) Жить!
Скакун высок!
Пал Дулат, ударенный
в висок
острой палицей...
«Теперь меня!»
Навстречу сивый перс
метнул коня.
Х (Рапит)²³.
Плывет из рук его копье.
Бунчук тягуч. Лоснится острие.
«Сегодня всем везет –
живым и битым,
может, вы не рубитесь,
а спите?
Вырубайте из меня героя,
долотом секи меня до крови,
убирать пером с пути
не гоже.
На калам его копье
похоже.
В стихах хотя бы бытие продолжить.

²³ Странно, каким образом в повесть 7 в. до н. э. попал современный кинотермин «рапит», т. е. замедленная съемка. Искусствоведы должны обратить внимание на этот факт, который невозможно объяснить голым отрицанием. (Ишп.).

Страстей своих увидеть продолженье!..

Не суждено».

Упрямое копьё

плывет, придать

ненужное движенье.

«Зажмурься, хан.

Закрой лицо рукой.

Прими копьё под ребра.

Оно сбросит.

Ты скрючишься,

зажав кишки,

и струсишь,

и будешь прав.

Прав, как никто другой».

...Меж коньих ног,

в грязи кровавой сидя,

он даром время не терял,

кричал.

Кто хочет – у оракула спросите,

чего желал вождь свергнутый –

«Спасите!»

Живот пробитый

на руках качал.

Валился набок,

сдвинутый конем.

Мы не забудем, Ишпака,

клянемся!

Оставим его ненависть

при нем,

пырнем,

добьем копьем

и отвернемся.

Он сделал все, что мог.
Помог не мог.
Мы смяли персов,
те бежали с воем,
Оракулы торчали на холмах.
Предсказывали результаты боя.
Они кричали:
«Персы побегут!»
Когда уже мидяне не бежали —
они горой на Ишпаке лежали.
Их за ноги попозже сволокут.
И кровью хан потел
под грудой тел
и, жизнью исходя,
сказать хотел.
О чем?
Убит в нем перс,
теперь он в силе.
Белок из глаза бил
фонтаном синим.
Свершилось то, чего он ждал, Шамхат,
Пусть ночь падет,
пока еще закат.
Живучий гад.
А ну, еще разок.
Попали, в общем, правильно.
Он сдох.
Оракул скажет: «Горе не беда.
Теперь нам не бояться наказанья.
Мы предсказанье
делали тогда,
когда уже сбывалось предсказанье.

Ложь не прощали нам,
на нож – за ложь,
нам нечего рассчитывать на милость,
пусть будет то,
что все равно свершилось.
Так уж пришлось,
 видать,
так уж пришлось...»

Итак, Ишпака удалился в обитель воздаяния
покорять несветлую землю.
Может быть, его настоящая родина там.
Там его озера с осокой и горы высокие.
Ушел, потеряв шапку, бога и жизнь,
но сохраняя нечто, что приобрел.
То, чего не имел ни один скиф.
Что же он приобрел? – спросят любопытные.
На это нет ответа.

ПРАЗДНИК КРАСНОЙ ЗЕМЛИ

*И когда опустеет небо,
проснутся они...*

От крови пьян поэт!
А после боя
слова развязны
разбрелись из строя.
И строки славы, как пустые роги
(пир утихает),
валятся под ноги.
Провидец, выходи на поле битвы,

решился спор величья и обиды,
пустынно поле жизни,
нет убитых,
лишь
шлемы, словно панцири
улиток,
да кое-где раздвинется трава
и мертвая – из грязи голова,
глаза растоптаны,
и шеи нет.

Оракул, стой.
Иди, ищи, поэт.
Ступай туда, откуда конский стон,
шагай, на посох слуха опираясь,
увидишь за холмами
мертвых стан –
врата земли для лучших отпирают
живые братья их.

II

Огромен ров.
Дно выстлано двурогими коврами,
воздвигнут в центре пропасти шатер
тремя равновеликими углами.
Ишпака вносят,
вдетого в броню,
укладывают на широком торе.
Кувшины справа – золотом набиты,
в бою добытом.
Кувшины слева –
темное вино
и жидкий жир.

А вяленое мясо
уложено в тугих мешках копченых,
хлебы льняными тканями покрыты.
Эй, кравчий, наливай вина

поэту!

Я стоя выпью
за кончину эту.
...Вокруг шатра (так тесно в этой яме)

сложили воинов,
ушедших с ним, —
кыр-гузов, ики-пшаков и косогов,

Скульптуры неживые
в рваных латах,
мечи сияли,
колчаны лоснились.

Они готовы к тем сраженьям славным,
которые им на земле приснились,

В их лицах искаженных
ты почти

немые отраженья
слов последних,
меж тем и этим миром —

ты посредник,
тебе открыты тайны все
почти.

О чем подумал рыжий ики-пшак,
мечом лидийским

в горло пораженный!

Оскалился.

Чему был воин рад,
вступая из садов

в пустыню Гоби? —

«Прносятся мимо
ревущие острия копий!»

А этот серый,
скорченный от боли,
кишки в руке,
в другой зажат клинок,
что выражал он
в миг последний
воем?

Себя, наверно, спрашивал о том:
«Можно ли драться
с распоротым животом?»
«Можно!» – слышал он рев
обезумевшей воли.

III

Скуны держались отдельно –
поближе к шатру.
Уч-ок, Наводящий Ужас,
лежал безголосым.
Напрасно искали главу –
в траве затерялась,
в легендах осталась.
Воспет величавый подвиг:
ему оторвали голову утром
в начале битвы,
а он продолжал рубиться
и только в полдень,
когда закричал в желудке баран
прозенный
и клич не раздался,
в сердце произнесенный,

когда три стрелы Яздана
добили печень,
когда отломали руку
и стало нечем
врагам наносить
безжалостные удары,
он с мерина пал,
он понял —
подкралась старость.
Эй, кравчий, собака,
подай мне другого вина,
за война славного встану
и выпью до дна!

IV

Хан был одинок без нее,
и она одинока.

Ну что же,

она пожелала,

ее не держали.

Она

по ступеням

спустилась

на дно

МОГИЛЫ.

Пошла по телам.

Живые ее уважали.

Они наблюдали с увалов

и, кажется, знали:

Шамхат

покрывала

пространство

между кругами.

Все ближе шатер.
У входа, спиной к косяку,
сидит обескровленный,
череп проломлен,
Дулат,
тяжелая палица, взятая с болью,
в руке,
он будет и там рядом с вами
(входите, бике!),
сидит, ухмыляется вытекшим глазом
Дулат,
у ней настроенье испортилось,
можно понять.
Прекрасно тому,
кто, не мучая мыслями разум,
из круга в другой переходит
не медленно, разом
Не медли, о кравчий!
Она у дверей.
Опустила
на белый порог
войлок полога.
(Опустела
проклятая чаша.
Эй, кравчий, не можешь почаще!..)
Светильники, полные маслом,
она засветила
и веером мух прогнала
с лица властелина.
Нелегкий тундук приоткрыв,
помещение проветрила.
Хлебы и кувшины с водою и маслом
проверила.

И стала готовиться к ложу,
читатель, мужайся!

V

Эх, Шамхат,
это имя ело ему глаза,
набивалось в ноздри,
сыпалось красным песком в пищу,
крошило зубы,
это имя, похожее на фыркание кошки,
собачий чих,
его противно брать на язык
и давить зубами,
если бы мог Ишпака,
хотя бы ради забавы,
он, как собака, бы выгрыз его из памяти
вместе с кусками
окаменевшего мозга!..
Но поздно.

VI

..Сняла диадему
добротной шумерской работы
и бусы снимает,
алку не спеша отстегнула.
За стенками – крики.
Браслет золотой отогнула
тяжелый,
старинный –
с изнанки он черен от пота.
..Спускают в могилу коней

и руки на них поднимают,
их колют под ухо,
и лошади не понимают.
Их режут и режут,
кричат, вырываются кони.
О кравчий,
я их уважаю за эти законы!

VII

Все!
Все повторится!
Не быть лишь сюжету такому!
Лиловых шелков!
Горячего синего цвета
ее одеяний.
Не будет такого контраста
между смирением стана
и бешенством контура бедер –
изящный кувшин,
наполненный холодом страсти.
Вы будете пить
из темных рассохшихся ведер,
из бочек дубовых,
несоразмерных жажде,
толпу утоляющих мутной
ржавою жижей,
из луж повседневных.
Кувшины бывают – однажды.
..Она обнажилась,
стыдливо легла под светильник,
свет жадно хватался,

ласкал,
но она не пустила
ни блика
в межбедрие.
Лежа в холодной постели,
тень левой груди
мгновенно
клинком осветила
и — на бок!

VIII

...Из щели тундука
на тело дуло,
она к животу
колени тянула.
Ударили горсти земли по шатру,
и пламя светильников
плачем пригнуло.
Ладонью ползя по раскосому
лику,
безглазому, явному,
как улика,
она шевелила губами:
— Косуля...
Косуля любимая... —
не обманула.
Шатало,
лупили землей
 по шатру,
по страже,
по трупам кричащим,
все чаще,

все глубже уходят под землю
герои.
Читатель, вылазь из провала –
зароют.
Поэту подобное
не по нутру.
Пока извивается болью спина,
пока не погасли светильники –
на,
читатель,
гляди,
не забудь, как она
затихла вдоль мужа
с улыбкою робкой.
На рукояти,
торчащей из ребер,
запомни, о кравчий,
светилось –
«Вина».

ПРИГОВОР

I

Оракулы.

До тризны пьяны мы –
все знают – быть беде.
На поле мирном зрим курганы мы,
не спрашивайте
«Где?»
Увидите. Насыпан вами он
и утрамбован лбами он,

пируют скифы на кургане свежем,
проваливаясь по колена в прах,
танцуют скифы,
подавляя страх,
танцуют скифы
и былины длинные
поют (из века в век
одни и те же).

О, лишь Котэн, невежа, —
не паяц,

он не играет.

Пьет.

Пусть лучше учится
любить.

Как избежал он этой участи?

Нам, Изваяньям Страсти,
не понять.

Мы камнем канем в вечность,
он не канет,
как пена,

он покроет

время вплавь,
на дне столетий
сатанеют камни,
не понятыми символами
правд.

IV

...Ухой бараньей запивая горе,
орут о радостях любви изгой.
Чадят костры,

и морщатся верблюды,
и, глядя искоса на их мохнаты груди,
уздечками позвякивают кони.
Зачем мы сталкиваем наши чаши?
Чтоб звон услышать,
черепки оплакать.
Все кончено.
Глядит из тьмы собака,
похожая глазами на Ишпака,
и зуб горит —

 то в опьянении винном
огонь костра с клыками говорит
на языке луны
о чем-то львином.
Под глиной львы-ишкузы
в рваных латах,
хватайте глину, скульпторы Эллады,
ногами мните,
думайте, валяйте,
героев безголовых изваяйте.
Ваятель-бог,
ведь говорят, что он
из глины темной
сделал человека.
А что такое слово?
Коний стон,
рык тигра,
шип ужа,
молчанье рыб
 и свет звезды полуночной Омеги.
Амбары языков забиты
именами

умершими,
Нужна иная речь.
Созвучья не песком воспоминаний —
дум будущих живыми именами
готовы в глину письменную лечь.
Так говорят.
Ваятели словес!
Берите глину для табличек вечных
с могил воителей,
с могил невест...

У

Мы, летописцы, видели немало,
перо не по таким следам ступало.
В нас мудрость въелась,
как веревка в ногу
козы, чтоб далеко не убегала.
Ты не сумел быть ханом
до конца,
а жаль,
пройти б от края
и до края,
в живых лишь
летописцев оставляя,
вселив им
злую ненависть в сердца,
О, мы не забываем никогда
свои тысячелетние обиды,
великие сжигали города,
не ведая, что летописец видит.
Вселенную наискосок прошли,
оставив рваный след меча

на карте,
о ких потомки в хрониках
прочли,
в учебниках, разложенных
на парте.
Хотел войти в историю
любовью,
хотя бы в устный эпос, —
черта с два, —
лицом не вышел,
утверждаю с болью,
в насильники провел
едва-едва.

Единственно, чего добился я, —
в анналы ассирийского царя
в две строчки
допустили имя скифа:
«Хан Ишпака, из племени иш-куз,
был мастер в сфере воинских искусств,
ворюга, сволочь».
И на том спасибо.

VI

...Из той же глины дайте гончару,
на круг вертящийся, гончар, бросай
сырую глину,
рук не отнимай,
пока не выльется в ладони чара.
На солнце высуши и подари
поятелю словес, не то сворует.
Черпни воды, поэт, и говори,

пусть правда звуков
воду очарует!
– Когда врывались мы,
казну зарыл Он
в священной роще,
камень навалил он.
Его наперсник,
раб из рода берш²⁴,
кочевник, скиф,
телохранитель верный,
он, только он
знал тайну той могилы,
и он, презренный,
бросился туда,
чтобы казну ограбить.
Не успел,
пал от ножа царя,
с казною похоронен.
...Царь, скифов избегая,
в женском платье
скрывался в храмах,
и пришла расплата.
Вот смысл тайны
бедного Дулата.
А Ишпака!..
Как заблуждался он!
(О сладостные юноши Ассирии!..)
Лежит в шатре
с ножом в груди красивой
не женщина,
а сам Ассархадон.

²⁴ Берш – один из огузских родов. Следовательно, раб не был персом и ненависть Ишпака к персам основана на заблуждении. (Ишп.).

VII

...Но даже эта
 темная вода
поэту не заменит никогда
вина, что превратит его
 в злодея.
Эй, кравчий,
 опрокинь
 кувшин скорее!

7 в. до н. э. – 20 в. н. э.
Ассирия – Никаноровка.
Из новой чары
 встанем и допьем
последнее.
Им хорошо вдвоем.
Она ножом пробита,
он копьем.
Зато – вдвоем.
Кому что достается.
А мы с тобой,
 читатель, расстаемся.
Зато – живем!..

СОДЕРЖАНИЕ

**ЗЕМЛЯ,
ПОКЛОНИСЬ ЧЕЛОВЕКУ (Поэма) 3**

ГЛИНЯНАЯ КНИГА

2700 лет спустя	42
Эпилог	55
Ноги. Из обвинения девятого	60
Преступление первое	61
Преступление второе	69
Преступление третье	84
Преступление четвертое	95
Преступление пятое	110
Преступление шестое	119
Преступление седьмое	131
Рога. Преступление восьмое	143
Ристалище	153
Преступление девятое	165
Казнь	174
Праздник красной земли	181
Приговор	190

Олжас Сулейменов

ЗЕМЛЯ, ПОКЛОНИСЬ ЧЕЛОВЕКУ

поэма

ГЛИНЯНАЯ КНИГА

18.01.2011 ж. басуға қол қойылды. Көлемі 60x84/16.
Офсеттік басылым. Қаріп түрі KZ Times.
Шартты баспа табағы 10,6. Есептік баспа табағы 8,3.
Таралымы 500 дана.

«ЭКО» ЖШС-та басылған.
Қазақстан Республикасы, 140000, Павлодар қ.,
29 Ноябрь к., 2, Тел.: 8 (7182) 61-82-12, 61-80-81.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ (1936) – поэт, государственный деятель, Лауреат Государственной премии КазССР (1972).

Первая книга стихов и поэм «Аргимақ» (1961), «Земля, поклонись человеку», (1961) сборники:

«Солнечные ночи» (1962),

«Доброе время восхода» (1964),

«Избранная лирика» (М., 1969),

«Глиняная книга» (1969).

«Над белыми реками» (Ташкент, 1970),

«Повторяя в полдень» (1973),

«Каждый день – утро»

(М., 1973, на казах. яз., 1986,

пер. К. Мырзалиева),

«Круглая звезда» (М., 1975),

«Определение берега»

(1976, 1979),

«Трансформация огня»

(1983, 1985) и другие.

